

Сьюзен Янг

ПРОГРАММА

идентификация

Завхватывающе, трогательно и пугающе реалистично.
ДЖЕЙ ЭШБЕР, автор «13 причин почему»

Сьюзен Янг
Идентификация
Серия «Ангелы и демоны»
Серия «Программа», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10751555
Программа. Идентификация: роман : АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-088107-9

Аннотация

Планету охватила эпидемия самоубийств среди подростков, причины которой выяснить не удастся. Правительство пытается противостоять новой пандемии при помощи Программы – проекта лечения юношей и девушек, склонных к суициду. Сотрудники Программы – хендлеры – принудительно увозят заболевших в стационар, где им выборочно стирают память, удаляя «инфицированные» воспоминания, вызывающие депрессию... и тем самым превращают в послушных и счастливых зомби.

Как выжить и сохранить свое «я», если доверять нельзя никому – даже собственным родителям и друзьям?

На этот вопрос пытаются найти ответ юная Слоун Барстоу и ее друг Джеймс Мерфи. Они уверены: им хватит мужества, чтобы противостоять Программе...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	38
Глава 9	41
Глава 10	44
Глава 11	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сьюзен Янг
Программа. Идентификация
Роман

Suzanne Young

The Program

© Suzanne Young, 2013

© Перевод. О.А. Мышакова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

*Линн и Ричу, которые всегда приходят мне на помощь,
и светлой памяти моей бабушки Джозефины Парзич*

Часть первая

Мучительное оцепенение

Глава 1

Воздух в классе казался стерильным – пахло отбеливателем и краской от стен. Вот бы учительница открыла окно и впустила свежий воздух... Но мы на третьем этаже, поэтому оконные рамы заделаны наглухо – вдруг кому-нибудь придет в голову выброситься.

Я смотрела на листок, лежавший передо мной на парте, когда Кендра Филлипс, обернувшись, сверкнула фиолетовыми контактными линзами:

– Еще не все?

Я улыбнулась, предварительно убедившись, что миссис Портмен пишет на доске и не смотрит на нас.

– Еще слишком рано для психоанализа, – шепнула я. – Честно, лучше на физике сидеть.

– Чашка кофе, сдобренная «Быстрой смертью», помогла бы тебе сфокусироваться на боли.

У меня вытянулось лицо. От одного упоминания о яде забило сердце. Я выдержала пустой взгляд Кендры – убийственную апатию не скрывали даже фиолетовые линзы. Вокруг глаз черные круги от бессонницы, лицо осунулось. Такая втянет в неприятности, однако я не могла отвести взгляд.

Я знаю Кендру много лет, хотя подругами мы не были, особенно теперь, когда почти месяц я подмечаю в ней симптомы депрессии. Я ее сторонилась, но сегодня в Кендре появилось что-то отчаянное, чего нельзя не заметить. Например, как ее трясет, хотя она и сидит неподвижно.

– Боже, Слоун, не делай такой серьезный вид, – Кендра дернула костлявым плечом. – Я пошутила. Кстати, – добавляет она, будто вспомнив, зачем обернулась. – Угадай, кого я вчера видела в Центре здоровья? – Она подалась вперед: – Лейси Клэмаат!

Я онемела. Я и не подозревала, что Лейси вернулась.

Щелкнув замком, открылась дверь. Я подняла голову и замерла. День только что стал значительно хуже.

В дверях стояли два хендлера¹ в белоснежных халатах, гладко причесанные, и вглядывались в лица учеников, кого-то высматривая. Когда они двинулись вдоль парт, я сжалась.

Кендра повернулась как ужаленная и выпрямилась на стуле, напряженная, как струна.

– Только не меня, – бормотала она, молитвенно сложив руки. – Пожалуйста, только бы не меня.

Стоя у доски, миссис Портмен как ни в чем не бывало начала урок, будто людям в белых халатах так и полагается вваливаться в класс во время объяснения кинетической теории вещества. У нас уже второй раз гости за неделю.

Хендлеры разделились и пошли по рядам. Они приближались – шаги по линолеуму звучали все громче. Я отвернулась, предпочитая смотреть на осенний листопад за окном. Стоял октябрь, но лето медлило уходить, балуя нас неожиданным орегонским солнышком. Я мечтала оказаться где угодно, только не здесь.

¹ Хендлер – человек, представляющий собак на выставках. Зд.: «куратор», «усмиритель», «смотритель». – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.

Шаги остановились рядом, но я не подала виду. От хендлеров несло антисептиком – так пахнет от спиртовых салфеток или пластыря. Я не смела шевельнуться.

– Кендра Филлипс, – прозвучал мягкий голос. – Пройдемте, пожалуйста, с нами.

Я едва сдержала возглас, рвавшийся с губ, – облегчение, смешанное с сочувствием. Я не глядела на Кендру, боясь привлечь к себе внимание. Ох, хоть бы меня не заметили!

– Не пойду, – возразила Кендра дрожащим голосом. – Я не больна.

– Мисс Филлипс, – снова заговорил кто-то. На этот раз я невольно повернула голову. Темноволосый, наклонившись, взял Кендру за локоть, чтобы вывести ее в проход. Но Кендра ударила его, вырвав руку, и схватилась за парту.

Мужчины попытались скрутить ее вдвоем. Кендра вырывалась и кричала. Росту в ней едва пять футов, но она отчаянно сопротивлялась – такого еще не было. Я чувствовала, как ослабевают напряжение в классе: мы все надеялись на быстрый финал. Надеялись прожить еще день на свободе.

– Я не больна! – орала Кендра, вырвавшись от хендлеров.

Миссис Портмен наконец замолчала, с болью глядя на происходящее. Демонстративное спокойствие исчезало на глазах. Рядом со мной заплакала девочка. Очень хотелось попросить ее заткнуться, но я сочла, что лучше сидеть тихо. Каждый отдувается за себя.

Темноволосый хендлер схватил Кендру поперек туловища и поднял в воздух. Она бешено брыкалась, выкрикивая непристойности, с уголков губ стекала слюна. Лицо Кендры покраснело и исказилось от ярости, и я увидела, что болезнь зашла очень далеко. Преподобной Кендры не стало в день гибели ее сестры.

У меня зашипало глаза, но я прогнала ненужные мысли, затолкав в дальний уголок сознания. Пусть ждут, пока я не останусь одна, чтобы никто не видел.

Хендлер зажал Кендре рот – теперь до нас доносились лишь заглушенные, невнятные звуки, – и, шепча ей на ухо что-то успокаивающее, полувел-полунес ее, брыкающуюся, к выходу. Его напарник поспешил распахнуть дверь.

Вдруг державший Кендру мужчина вскрикнул и выпустил ее, трясая кистью, будто от укуса. Кендра вскочила и дернулась бежать, но хендлер оказался проворнее и нанес ей прямой удар в лицо, от которого ее отбросило к самой кафедре, где стоял учительский стол. Миссис Портмен беззвучно ахнула, когда Кендра грохнулась почти у ее ног, и попятилась.

Верхняя губа у Кендры была рассечена, кровь заливала серый свитер и белый пол. Она не успела даже сообразить, что произошло, когда хендлер поймал ее за щиколотку и поволок к выходу, как неандерталец добычу. Кендра кричала, пытаясь за что-нибудь схватиться, но лишь оставляла за собой на полу кровавый след.

Уже в дверях отыскав меня взглядом, она протянула ко мне окровавленную руку:

– Слоун!

Я замерла.

Хендлер остановился и коротко глянул на меня. Я видела этого человека впервые в жизни, но от взгляда меня всю повело. Я опустила глаза.

Я не поднимала головы, пока не щелкнул замок закрывшейся двери. В коридоре крики Кендры быстро стихли – видимо, ее вырубил тайзером² или вкололи успокоительное. Я была только рада, что все закончилось.

В классе кое-где слышались всхлипывания, но в основном царил тишина. Пол у учительского стола был исписан алыми мазками.

– Слоун! – обратилась ко мне учительница. Я подскочила от неожиданности. – Где твоя сегодняшняя оценка психологического состояния?

² Тайзер – электрошоковое оружие (устройство) нелетального действия. – *Примеч. ред.*

Миссис Портмен подошла к шкафчику, где хранятся ведро и швабра. Только неестественно высокий голос учительницы выдавал какую-то реакцию на то, что Кендру только что избили и выволокли из класса.

Сглотнув пересохшим горлом, я потянулась в школьный рюкзак за ручкой. Когда учительница плеснула отбеливателя на пол – мы буквально задыхались от запаха, – я начала вписывать ответы в аккуратные овалы.

«За вчерашний день у вас возникало чувство одиночества или уныния?»

Я смотрела на ослепительно белый лист – такие ожидают нас на парте каждое утро. Мне захотелось скомкать его, швырнуть через весь класс и заорать, чтобы все очнулись и как-то среагировали на то, что произошло с Кендрой минуту назад. Глубоко вздохнув, я написала: «Нет».

Это неправда – сейчас всем одиноко и плохо. Порой я забываю, что можно чувствовать себя как-то иначе. Но я знаю порядок и отчетливо представляю, во что мне обойдется откровенность. Следующий вопрос.

Я быстро вписала правильные ответы, помедлив, как всегда, перед последним.

«Были ли в вашей семье или среди знакомых случаи самоубийства?»

«Да».

Признавать это день за днем невыносимо, но это единственный вопрос, на который я вынуждена отвечать правду, потому что ответ им известен.

Подписавшись внизу, я дрожащей рукой взяла листок и понесла к столу миссис Портмен, остановившись перед кафедрой на мокром полу, где только что была кровь Кендры. Я старалась не смотреть вниз, ожидая, когда учительница уберет в шкаф чистящие средства.

– Извините, – повторила я, когда она подошла взять у меня анкету. На рукаве ее бледно-розовой блузки я заметила маленькое пятнышко крови, но говорить не стала.

Миссис Портмен просмотрела ответы, кивнула и убрала листок в журнал посещаемости. Я вернулась за парту. В ушах звенело от напряженного молчания. Я ловила звуки в коридоре, ожидая приближающиеся шаги, но спустя долгую минуту учительница откашлялась и снова начала рассказывать о свойствах трения. Я с облегчением закрыла глаза.

Суицид среди подростков еще четыре года назад объявили национальной эпидемией – руки на себя накладывал каждый третий. Самоубийства были всегда, но вдруг без видимых причин мои сверстники начали один за другим выбрасываться с верхних этажей и полосовать запястья. То, что уровень самоубийств среди взрослых не вырос ни на процент, лишь добавляло мистики.

Ходили разные слухи – от порченной вакцины детских прививок до пестицидов в пище. Люди хватались за любое объяснение. Победила теория, что переизбыток антидепрессантов изменил химические процессы организма у нашего поколения, многократно усилив склонность к депрессии.

Я уже не знаю, во что верить, но к этой байке сразу же отнеслась недоверчиво. Однако психологи утверждают, что самоубийства контагиозны³, так что ответ на сакраментальный нравоучительный вопрос: «Если твои друзья начнут с моста прыгать, ты что, тоже сиганешь?», похоже, положительный.

Чтобы купировать вспышку самоубийств, в нашем школьном округе внедрили пилотную версию Программы – новой превентивной философии. В пяти школах теперь ведется мониторинг с целью выявить изменения в настроении или поведении. При обнаружении угрозы применяется изоляция. Подростка со склонностью к суициду теперь не отправляют к психологу – вызывают хендлеров.

³ Контагиозность (заразительный, заразный) – свойство инфекционных болезней передаваться от больных здоровым.
– Примеч. ред.

Они приходят и уводят с собой.

Кендры Филлипс не будет минимум полтора месяца – шесть недель она проведет в специальном центре, где специалисты Программы будут копаться в ее голове и стирать воспоминания. Ее будут насильно пичкать таблетками и психотерапией, пока она не забудет, кто она есть, после чего сплавят в маленькую частную школу для других таких же выпотрошенных и продержат до выпуска.

Как Лейси.

В кармане завибрировал телефон, и я медленно выдохнула. Можно было не смотреть, кто звонит: Джеймс хочет встретиться. Соломинка, необходимая, чтобы высидеть до конца урока, – сознание, что меня ждет Джеймс. Что он всегда меня ждет.

Когда сорок минут спустя мы чинно, по одному вышли из класса, в коридоре стоял темноволосый хендлер, провожая нас взглядом. Он вроде бы задержал его на мне, но я сделала вид, что не заметила, и, не поднимая головы, быстро пошла к спортзалу.

Оглянувшись через плечо, не идет ли кто за мной, я свернула в ослепительно белый коридор, заканчивавшийся двойными металлическими дверями. Сейчас почти невозможно надеяться, что о твоём подозрительном поведении не доложат куда следует даже родители. Хуже того, они-то первыми и донесут.

Именно отец Лейси позвонил в Программу с сообщением, что его дочь нездорова. Поэтому мы с Джеймсом и Миллером из кожи вон лезем, чтобы вести себя как ни в чем не бывало. Улыбки и непринужденные ответы считаются признаком уравновешенности и душевного здоровья. Я не рискну показывать родителям что-то большее. Не сейчас.

Но когда мне исполнится восемнадцать, Программа до меня не дотянется. Я стану совершеннолетней, и меня нельзя будет принудительно лечить. Формально риск заболеть не уменьшается, но Программа все-таки подчиняется государственному законодательству. Юридически я буду взрослой и, как взрослая, при желании смогу реализовать дарованное мне богом право себя кокнуть.

Если только эпидемия не охватит и совершеннолетних. Тогда неизвестно, что могут придумать.

Подойдя к дверям спортзала, я взялась за холодный металлический прут, служивший ручкой, и юркнула внутрь. Уже несколько лет занятия здесь не проводятся: Программа первым делом запретила физкультуру, заявив, что физическая нагрузка и спортивный азарт – непомерный стресс для нашего хрупкого поколения. Зал приспособили под склад – в углу составлены старые парты и стопки ставших ненужными учебников.

– Тебя кто-нибудь видел?

Вздвигнув, я заметила Джеймса в тесном пространстве под сложенными трибунами. Наше заветное место. Броня бесстрастия на мне сделалась тоньше.

– Нет, – прошептала я. Джеймс протянул руку, и я пробралась к нему в темноте, встав рядом. – Сегодня ужасный день, – еле слышно сказала я, обдавая дыханием его щеку.

– Как всегда.

Мы с Джеймсом вместе более двух лет – с того месяца, как мне исполнилось пятнадцать, но знаю я его всю жизнь. Он был лучшим другом моего брата Брэйдли, пока тот не покончил с собой.

От этой мысли перехватило дыхание, будто я тонула в воспоминаниях. Отодвинувшись от Джеймса, я ударилась затылком об угол деревянной скамейки над нами. Вздвигнув от боли, я схватилась за затылок, но не заплакала. Мне страшно плакать в школе.

– Дай посмотрю, – сказал Джеймс, осторожно потирая ушибленное место. – Ничего, кудри самортизировали, – улыбнулся он и погладил мои темные волосы, покровитель-

ственно задержав руку на шее. Когда я не улыбнулась в ответ, он привлек меня к себе. – Иди сюда, – обессиленно прошептал он, обнимая меня.

Я обхватила его руками, отпуская из памяти Брэйди и то, как хендлеры вытаскивали Лейси из дома. Моя ладонь скользнула под рукав футболки, на выпуклый бицепс, где Джеймс набивал татуировки.

Программа сделала нас безымянными, лишила нас права скорбеть, сделав скорбь симптомом депрессии, за который полагается стационар, и Джеймс придумал способ несмываемыми чернилами вести счет тем, кого мы потеряли, начиная с Брэйди.

– У меня плохие мысли, – призналась я.

– А ты перестань думать, – просто сказал он.

Я посмотрела на него. Мне было по-прежнему тяжело. Трудно что-то разглядеть в полумраке, но глаза у Джеймса голубые, чистого, яркого оттенка, да и взгляд магнетический. Он вообще красив, Джеймс.

– Лучше поцелуй меня, – пробормотал он, и я приникла к его губам, позволяя целовать себя так, как умел только Джеймс. Мгновение, пропитанное печалью и надеждой. Связь, полная тайн и обещания вечности.

Брата не стало два года назад, и наша жизнь изменилась буквально за ночь. Мы не знаем, почему Брэйди покончил с собой, оставив нас безутешными. С другой стороны, причин эпидемии тоже никто не знает, даже Программа.

Загремел звонок на урок, но ни Джеймс, ни я не дрогнули. Его язык тронул мой. Джеймс прижал меня крепче и целовал настойчивее. Встречаться не запрещается, но мы на всякий случай не афишируем наш роман. Программа соглашается, что формирование здоровых дружеских и любовных отношений делает нас эмоционально крепче, но если любовь вдруг оказывается несчастной, подростков заставляют забыть о ней. Программа способна стереть из памяти все, что угодно.

– Я стащил у отца ключи от машины, – прошептал Джеймс мне в губы. – Давай после школы поедem на реку купаться нагишом?

– Может, сам разденешься, а я с берега посмотрю?

– Договорились.

Я засмеялась. Джеймс снова стиснул меня в объятиях и отпустил, притворяясь, что приглаживает мне волосы, но запутывая их еще больше.

– Иди лучше в класс, – сказал он наконец. – Передай Миллеру, что он приглашен посмотреть, как я плаваю голышом.

Я поцеловала кончики пальцев и помахала Джеймсу на прощание. Он улыбнулся.

Он всегда знает, что сказать, чтобы стало легче. Без него мне бы не пережить смерти Брэйди, я это точно знаю.

Самоубийства – штука заразная.

Глава 2

Войдя в класс на экономику, я сказала учителю, что задержалась на психотерапии, и отдала одно из поддельных направлений, которые мы с Джеймсом и Миллером заготовили несколько недель назад. Когда Программа начала мониторить нашу школу, я с удивлением узнала, что мой бойфренд не только талантливый лжец, но и мастер подделок – незаменимое в последнее время искусство.

Мистер Рокко мельком взглянул на направление и показал мне садиться назад. Я опаздываю уже пятый раз за месяц, но, к счастью, мне не задают вопросов. Я научилась делать хорошую мину, да и в глазах учителей мое стремление говорить с психотерапевтом означает стремление остаться здоровой.

– Привет, красотка, – шепнул Миллер с соседней парты, когда я присела. – Терапевтическая сессия с Джеймсом прошла результативно?

Миллер не смотрел на меня – его взгляд был направлен куда-то под парту. Учитель писал маркером на белой доске.

Мы с Миллером дружим с начала прошлого года и посещаем практически одни и те же занятия. Он высокий и крепкий. Будь у нас в школе футбольная команда, быть бы Миллеру звездой.

– Ага, – отозвалась я. – На этот раз мы совершили настоящий прорыв.

– Надо думать.

Он улыбнулся, но не поднял глаза, рисуя каракули в тетради, лежавшей на коленях. С бьющимся сердцем я тихо сообщила:

– Лейси вернулась.

Миллер с силой вдавливал грифель в тетрадь, прорывая бумагу.

– Откуда известно?

Я решила не замечать его внезапной бледности.

– Кендра Филлипс успела сказать, прежде чем за ней пришли и... – я понизила голос, – ... увели.

Несмотря на свою невозмутимость, Миллер бросил на меня взгляд – об этом он явно слышал впервые. Карие глаза сузились – решает, верить ли новости о возвращении Лейси, что ли? Но через секунду он кивнул и вернулся к своему рисованию. Миллер лишний раз слова не скажет.

От его молчания меня чуть не прорвало. Расставив пальцы, я прижала ладони к прохладной парте, силясь справиться с эмоциями. На пальце у меня пластмассовое кольцо с сердечком – подарок Джеймса после первого поцелуя. Это случилось за несколько месяцев до гибели брата. Лейси и Миллер часто шутили, что это мне вместо бриллиантов и ничего большего я не дожусь. На это Джеймс со смехом отвечал – он знает, чего я на самом деле хочу, и это не блестящие камушки.

То было в другой жизни, когда нам казалось, что мы продержимся. Я закрыла глаза, сдерживая слезы.

– Я, пожалуй... – Миллер замолчал, не решаясь продолжать. Когда я посмотрела на него, он прикусил губу. – Я, пожалуй, съезжу к ней в Самптер.

– Миллер, – начала я, но он отмахнулся.

– Я должен проверить, вспомнит она меня или нет. Я не смогу ни о чем думать, пока не узнаю наверняка.

Я долго смотрела на него. В глазах Миллера читалась боль. Мне его не отговорить – он слишком любит Лейси.

– Будь осторожен, – едва слышно сказала я.

– Буду.

От страха было трудно дышать. Я боялась, что Миллера поймают в альтернативной школе и прямо оттуда заберут в Программу. Несколько недель с вылеченными можно общаться только в Центре здоровья, всякому смельчаку светит изоляция или даже арест, а кому охота превратиться в покорного болванчика?

Миллер молчал до конца урока, но со звонком кивнул. Искать свидания с Лейси опасно, но если она осталась прежней, ей захочется, чтобы Миллер рискнул.

– Увидимся в столовой. – Он тронул меня за плечо и пошел к двери.

– Пока.

Вынув телефон, я написала Джеймсу: «Миллер задумал большую глупость» – и ждала, сидя за партой. Ученики по одному медленно выходили в коридор. Когда на экране высветилось ответное сообщение, у меня перехватило дыхание.

«Я тоже».

«Не надо», – в панике написала я. Мне страшно, что моего бойфренда и лучшего приятеля увезут в лечебницу, и я останусь одна, как в пустыне, в этом вывернутом мире.

Но в ответ я получила только: «Я люблю тебя, Слоун».

В обед мы с Джеймсом наблюдали за Миллером в очереди. Его движения были вялы, апатичны. Узнав о Лейси, он стал сам не свой, и я прокляла себя за то. Лучше бы новость сообщил Джеймс.

Они с Миллером решили, что после уроков мы поедем в Самптер-Хай и дождемся, когда выйдет Лейси, иначе разговор ограничится буквально парой слов: в Центре здоровья Лейси будут охранять еще недели три. Миллер надеялся, что при надлежащем отвлекающем маневре на школьной парковке ему удастся поговорить с Лейси достаточно долго, чтобы она его вспомнила. Он надеялся ее вернуть.

Джеймс положил подбородок на сложенные ладони. Он вел себя вполне непринужденно, но не сводил глаз с Миллера.

– В Самптере мы будем отвлекать внимание, – сказал он.

– А если не получится?

Уголки рта Джеймса поползли вверх. Он перевел взгляд с Миллера в очереди на меня.

– Разве я не умею заставить забыть обо всем?

– Джеймс, мне тоже не хватает Лейси, но я не хочу, чтобы что-нибудь...

Он сжал мою руку.

– Да, риск есть, но вдруг она каким-то чудом осталась собой? Миллер должен попытаться, Слоун. Я бы для тебя это сделал.

– А я для тебя, – машинально ответила я. Джеймс помрачнел.

– Не говори так, – резко сказал он. – Даже не думай о таком. – Он отпустил мою руку. – Я покончу с собой, меня даже не довезут до Программы.

Глаза у меня защипало от слез – я знала, что это не пустая угроза. Джеймс не старался меня утешить – бессмысленно. Он не может обещать, что не убьет себя. Никто не может этого обещать.

Полтора месяца назад, когда забрали Лейси, я с большим трудом не ушла в депрессию, которая нас будто поджидает. Депрессия заранее уверена, что у меня ничего не получится и проще опустить руки. Джеймс убеждал меня и Миллера, что Лейси ушла навсегда, будто умерла, и велел нам скорбеть, но втайне. Однако она вернулась, и я не знаю, что чувствовать.

Джеймс молчал, пока Миллер не опустился на свободный стул – еда на подносе подпрыгнула. В столовой было шумно, но тише, чем обычно. Новость о «перевод» Кендры уже разлетелась, все ходят взвинченные.

У выхода из столовой я заметила темноволосого хендлера, который не скрываясь меня разглядывал. Я опустила взгляд на недоеденный гамбургер. Кендра выкрикнула мое имя, когда ее тащили из класса. Она привлекла ко мне внимание хендлеров. Нельзя говорить об этом Джеймсу.

Джеймс уткнулся подбородком мне в плечо и погладил мои пальцы.

– Извини, – пробормотал он. – Я козел. Ты меня простишь?

Я поглядела на него, не поворачивая головы, – светлые волосы курчавятся у шеи, голубые глаза широко распахнуты, взгляд устремлен на меня.

– Не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось, – прошептала я, надеясь, что Миллер не услышит, думая в этот момент о Лейси.

Джеймс обнял меня за талию и развернул к себе, уперевшись лбом в мой лоб и не обращая внимания, что на нас все смотрят. Его дыхание теплом обдавало мои губы.

– Я тоже не хочу, чтобы со мной что-нибудь случилось, – сказал он. – Я буду очень осторожен.

Я закрыла глаза, позволяя теплу его тела прогнать холодный страх в груди.

– Обещаешь?

Он так долго не отвечал, что я уже не ждала ответа, поддавшись мрачным мыслям, что Джеймса у меня могут в любой момент отнять, да и саму меня могут отправить в Программу и навсегда изменить.

Но Джеймс зарылся лицом в мои волосы и крепко прижал к себе. Я забыла, что вокруг люди, забыла даже о Миллере. Мне нужно было это услышать. Джеймс знал, что мне нужно это услышать. Губы шевельнулись у моего уха, и, к громадному облегчению, до меня донеслось тихое:

– Обещаю.

Самптер-Хай походила скорее на больницу, чем на школу. Каменный фасад выкрашен белым, большие прямоугольные окна заделаны наглухо. Перед школой круглая площадка, чтобы подъехавшие автомобили могли высадить пассажира. Мы с Миллером сидели в его джипе на парковке за школой и молча смотрели на вход.

Джеймс планировал уехать с нами, отметившись на последнем уроке, но у нас с Миллером была самоподготовка, и мы улизнули пораньше, воспользовавшись поддельными направлениями. До конца занятий в Самптере осталось всего десять минут, и во мне – и в Миллере – росла тревога перед встречей с Лейси. Я искоса поглядывала на Миллера, который сидел, надвинув кепку на глаза, сжимая руль так, что костяшки пальцев были белые. Я вдруг испугалась, что он не совладает с собой. Зря мы сюда приехали.

– У вас хоть план есть? – спросила я. – Джеймс мне ничего не говорит.

Миллер будто не слышал, глядя через лобовое стекло.

– Ты знала, что Лейси натуральная блондинка? – спросил он вдруг. – Она вечно красилась в этот красный цвет, вот я и думал, что она крашенная шатенка, пока не увидел старую фотографию. Дурак я, что не сразу понял, да? Мог бы и понять.

Я помню, как в первом классе Лейси ходила с золотистыми хвостиками. Миллер, можно сказать, нашел, из-за чего сокрушаться, но я видела, что он искренне себя корит, будто эта мелочь, знай он ее, могла спасти Лейси от Программы.

– Она любила тебя, – прошептала я, хотя говорить это сейчас было почти жестоко. – У вас все было по-настоящему.

Миллер улыбнулся, но в улыбке сквозила боль.

– Если не помнить, то ничего как бы и не было. А если она не вспомнит... – Не договорив, он снова уставился на огромное здание.

Я думала о Лейси, которую мы знали до Программы, с кроваво-красными волосами, в облегающих черных платьях. Она была стихийна и неудержима, вроде природного катаклизма, но и харизматична. До самой Программы Лейси вела себя не как все, а мы помалкивали в надежде, что само пройдет. Мы ее подвели.

Хендлеры ждали Лейси у нее дома. Тем вечером мы ее подвезли – Джеймс еще пошутит насчет незнакомой машины на подъездной аллее, сказав, что поздновато хозяева гостей принимают: может, они свингеры? Лейси улыбнулась, но не засмеялась. Я еще подумала, что она устала. Надо было спросить, все ли у нее в порядке.

Но я не спросила. Лейси чмокнула Миллера в щеку, выбралась из машины и направилась к дому. Не успели мы отъехать, как послышался крик Лейси. Мы выскочили из машины, но тут открылась входная дверь дома.

Мне никогда не забыть увиденного. Лейси вели двое мужчин в белых халатах, а она билась и кричала, что убьет их. Вырвавшись, она, сидя на дорожке, ползком попятилась к дому. Когда ее тащили к машине, Лейси громко звала мать, и по щекам текли черные слезы – не выдержала тушь. Она умоляла хендлеров ее отпустить.

Миллер двинулся туда, но Джеймс его перехватил и, удерживая локтем за шею, прошептал:

– Слишком поздно.

Я метнула на него яростный взгляд, но на лице Джеймса читались опустошенность и страх. Джеймс взглянул на меня и велел садиться в машину.

Он затолкал нас с Миллером на заднее сиденье, сел за руль и нажал на газ. Миллер вцепился в мою рубашку у самого ворота, когда мы проезжали мимо. Последнее, что мы видели, – один из хендлеров применил тайзер, и Лейси забилась на земле, как умирающая рыба.

Вспоминая все это, я попыталась разогнуть пальцы Миллера, сведенные на руле. Когда мне это наконец удалось, он повернулся ко мне.

– Слоун, у меня есть хоть один шанс? – спросил он почти безнадежно. – Хоть один шанс, что она меня вспомнит?

У меня перехватило горло. Я сжала губы и приказала себе не плакать. Шансов нет – Программа свое дело знает. Программа эффективна. Но я не могла сказать это Миллеру и пожалала плечами.

– Кто его знает, – ответила я, прогоняя ощущение огромной утраты. – Но даже если нет, вы всегда сможете снова познакомиться, когда ее отпустят из-под наблюдения, и начать все заново.

После излечения Лейси дозволит жить без вмешательства Программы – по крайней мере, так написано в информационных буклетах, но я ни разу не видела, чтобы вылеченные вернулись к прежней жизни или захотели это сделать. Им стерли массу воспоминаний; бывшие отношения для них потеряли ценность. По-моему, вернувшиеся вообще боятся своего прошлого.

Миллер усмехнулся при мысли о новой, выпотрошенной Лейси. Ему хочется, чтобы она его вспомнила и все стало как раньше. Они с Джеймсом сходятся в том, что Программа хуже смерти.

Лейси раньше тоже держалась такого мнения. Родители обратились в Программу, обнаружив в ее комнате пузырек «Быстрой смерти». Она планировала покончить с собой и купила наркоту у какого-то укурка. Миллер корил себя за то, что не знал, а мы с Джеймсом спорили, поступил бы он так же вслед за Лейси или нет.

Когда Лейси увезли, Миллер залезал в ее комнату, зная, что воспоминания о нем будут стерты, что нас всех сотрут из ее жизни. Из комнаты пропали все фотографии, даже одежда и личные вещи. Программа копает глубоко. Миллеру достался лишь блокнот, который Лейси

забыла на заднем сиденье джипа, и он хранил его как святыню, считая, что в нем осталась частица прежней Лейси.

Как-то днем у реки мы листали страницы, исписанные почерком Лейси, смеясь над карикатурами на учителей на полях и отмечая постепенную перемену: математические задачи сменились черными спиралями, выведенными с нажимом. Болезнь поразила психику Лейси – жутко было видеть, как стремительно развивалась депрессия. Все произошло за какие-то две недели.

Ненавижу Программу за то, что она с нами делает, но твердо знаю, что не хочу умирать. И не хочу, чтобы умер кто-нибудь из нас. Как бы там ни было, в нашем школьном округе самая высокая выживаемость по стране, поэтому в каком-то извращенном, нездоровом смысле Программа действительно полезна. Даже если вылеченным остается выхолощенная полужизнь.

Джеймс подъехал с моей стороны на помятой отцовской «Хонде». При виде меня он улыбнулся – слишком широко, слишком стандартно. Миллеру он кивнул.

– Взволнованный вид у твоего дружка, – пробормотал Миллер, глядя, как Джеймс проехал вперед и остановился. – Плохой знак. Он ведь непрошибаемый.

Я промолчала, зная, что это неправда, просто Джеймс открывается только мне. Для остальных он – наша скала, оплот и столп.

Миллер выбрался из джипа, и на несколько секунд я осталась одна под теплым солнышком, гревшим через ветровое стекло. В школе послышался звонок, и у меня перехватило дыхание.

Выбравшись на парковку, я направилась к Джеймсу и Миллеру, занятым разговором. Через плечо я поглядывала на вход. Вылеченные и их хендлеры начали выходить на парковку. В Самптере всего около двухсот учащихся, но их число растет с каждой неделей: уже пять школ фильтруют свой контингент через стационары Программы. Специалисты утверждают, что сразу после выписки мозг излеченного напоминает швейцарский сыр – память усеяна дырами, поэтому им нужно постоянное наблюдение и спокойная обстановка. Вылеченные остаются в Самптере до выпускных экзаменов, что заставляет сильно усомниться в «дальнейшей жизни без вмешательства Программы».

Вначале после выписки подростков возвращали в прежние школы – для нового старта, но когда начались тотальные срывы (в результате гиперстимуляции нарушалась функция мозга, и у выписанных буквально ехала крыша), открыли Самптер и к каждому излеченному приставили временную няньку в белом халате с тайзером.

Однако бояться следовало не только хендлеров; сразу после выписки подростки, не сознавая того, представляют для себя опасность: они могут нечаянно спровоцировать вас на общение, а за подобное приставание могут «закрыть» уже вас. Поэтому вылеченных все сторонятся как зачумленных.

Так было до сегодняшнего дня.

Увидев меня, Джеймс ободряюще улыбнулся. Пора. Миллер надвинул кепку на лицо, прижал к уху телефон и куда-то рассеянно побрел, делая вид, что увлечен разговором. Сердце у меня забилося, когда мимо шли ученики Самптера. Некоторых я знала раньше.

Кроме школы, вылеченные почти нигде не бывали, и несколько месяцев назад у нас открылся Центр здоровья – ради создания «безопасной среды», где могли бы общаться излеченные и нормальные. По мнению Программы, ассимиляция крайне важна для полного восстановления, да вот только ассимиляция проходит на их условиях – под пристальным наблюдением и в стенах Центра здоровья. По сути, продолжение лечения. наших заставляют туда ходить минимум три часа в семестр (для зачета), зато вылеченные туда рвутся – видимо, не зная ничего лучшего.

Джеймс бывал в Центре здоровья по поддельным пропускам и называл его не иначе как пропагандой Программы и научной выставкой с излеченными в качестве основных экспонатов. Мне кажется, Центр здоровья открыли, чтобы показать: вылечившиеся не какие-нибудь уроды и прекрасно общаются со здоровыми. Но никакая реклама с улыбающимися детьми, гоняющими в футбол, не прогонит ужас, живущий в наших душах.

В этой четверти я еще не набрала три зачетных часа, но слышала, что в Центр здоровья вылеченные приходят в сопровождении хендлеров. Одно это демонстрирует, насколько они изменились. Их полностью перезагрузили эмоционально и социально.

Джеймс, видимо, почувствовал мою тревогу. Он нашел мою руку и переплел пальцы, но тут же отпустил.

– Что бы ни случилось, подыгрывай, – попросил он.

– Ободрил, нечего сказать.

– Легенда такая – мы на экскурсии.

Я подняла взгляд.

– Что?!

– Ну, чтобы привлечь всеобщее внимание, я бы согласился и на пощечину в порыве ревности, но здесь косо смотрят на проявления агрессии.

– Джеймс, я все равно не...

– Что вы здесь делаете? – перебил меня низкий густой голос. Я подскочила от неожиданности, но Джеймс сразу овладел собой и повернулся к хендлеру боком. Кое-кто из вылеченных остановился, расширив глаза с невинным любопытством. Мне их было очень жаль. Я увидела Дану Сандерс, не помнившую, что больше года встречалась с моим братом.

Я молчала, предоставив говорить Джеймсу.

– Школьный проект, – гладко соврал он, сунув руку в карман. – Доктор Раерсон сказал, мы можем понаблюдать с парковки, насколько излечившиеся уравновешенны. Он очень гордится успехами Программы в модификации поведения. – Джеймс вынул бумагу, подписанную «Доктор Раерсон». Наверняка такого не существует, но обнаружить подлог на месте невозможно.

Хендлер взял бумагу. У меня кровь шумела в ушах. За одним из парней я увидела Лейси и непроизвольно напряглась.

Лейси Клэमत, моя лучшая подруга, шла через парковку, прижав учебники к груди. Ее волосы, сейчас совсем светлые, были собраны в хвост. На Лейси джинсы, балетки и кардиган с коротким рукавом, который в талии застегивается на одну пуговицу. Она была так не похожа на себя, что мне захотелось закричать. Это... это не моя подруга!

– Нам хватит и пяти минут, – заверил Джеймс. – Может, позвольте взять несколько интервью?

Я почувствовала прикосновение к руке и перевела взгляд на Джеймса, улыбавшегося мне, будто и я участвовала в разговоре.

– Ну что, – сказал он хендлеру, – вы не возражаете, если мы немного пообщаемся?

Джеймс сейчас казался самым спокойным человеком в мире, но ногти его глубоко впились мне повыше локтя: он тоже заметил Лейси.

– Нет, – покачал головой хендлер. – Общаться можете в Центре здоровья. Здесь частная школа, и любое официальное заявление должно исходить от...

За его спиной я увидела Миллера. Он шел прямо на Лейси. Она резко вскинула голову, когда он что-то сказал, подойдя вплотную.

– Вынужден попросить вас уехать, – сказал помощник мне и Джеймсу. – Немедленно.

В портативную рацию он назвал код, которого я не знала.

– А что, если мы не будем с ними заговаривать? – быстро спросила я, выгадывая время. На парковку вышел второй хендлер. Я испугалась, что он идет за Лейси и Миллером, но,

заметив нас, изменил направление. Здесь действительно не полагалось находиться посторонним, и риск вдруг показался мне неоправданно высоким.

– Нет, – отрезал хендлер. – И повторять не буду – уходите.

Страх пронзил меня ледяной иглой, я растерялась, но Миллер протолкался через собравшуюся толпу, не поднимая головы.

– Поехали, – бросил он на ходу и пошел к джипу.

– Это еще кто? – спросил хендлер.

– Наш водитель, – ответил Джеймс и взял меня за руку. – Ладно, спасибо за помощь. – Он попятился, кивая хендлерам. Через несколько шагов мы повернулись и пошли быстро, но не суетясь. У самого джипа Джеймс чуть повернул голову: – Не оборачивайся. Не смотри на них.

Миллер ждал у машины – козырек бейсболки опущен чуть не до подбородка. Ему не хотелось, чтобы в нем узнали бывшего бойфренда Лейси. Мы не знаем, снабжают ли хендлеров такой информацией, но лучше не испытывать судьбу. Надеюсь, нас не вычислят.

Парковка пустела на глазах. Хендлер, с которым мы говорили, ушел, но другой остался с Лейси. Он усадил ее на пассажирское сиденье, громко захлопнул дверцу и обошел машину, с подозрением поглядывая на нас.

За стеклом было видно, как Лейси задержала на нас взгляд, лишенный всякого выражения. Хендлер, сев за руль, что-то спросил, но Лейси покачала головой.

Я с горечью отвернулась. Лейси теперь никого не знает. Даже меня.

Никто из нас не произнес ни слова, когда машина с новой Лейси выехала на дорогу. Она уже скрылась из виду, когда Миллер прислонился к капоту с непонятым выражением лица.

– Ну? – спросил Джеймс.

Миллер поднял голову. Карие глаза казались стеклянными.

– Ничего, – ответил он. – Она абсолютно ничего не помнит.

Джеймс с трудом сглотнул и произнес:

– Мне очень жаль. Я думал, может...

Миллер шумно выдохнул.

– Знаешь, приятель, я совершенно не готов сейчас об этом говорить.

Джеймс кивнул. Они стояли с безучастным видом. Не вынеся тишины, я встала между ними. Я не хотела смириться с состоянием Лейси, но чувствовала себя растерянной и беспомощной.

– И что теперь? – спросила я Миллера.

– Теперь, – сказал он, взглянув на меня, – мы поедем купаться и сделаем вид, что ничего этого не было.

– Вряд ли...

– Я заеду домой взять плавки, – перебил Миллер, отвернувшись. – У реки встретимся.

Джеймс метнул на меня испуганный взгляд, будто попросив не оставлять Миллера одного. Я уже держалась из последних сил, но, когда Миллер обходил джип, сказала:

– Я с тобой. А Джеймс подождет у реки.

– Как раз успею раздеться, – подтрунивал Джеймс. – Может, даже найду кого-нибудь натереть мне спинку лосьоном.

– Удачи, – засмеялся Миллер и сел за руль. Я снова оглянулась на Джеймса, стоявшего со своей фирменной улыбкой, широкой и самоуверенной, но не настоящей. Иногда мне кажется, его улыбка не бывает искренней.

Джеймс прекрасно умеет скрывать боль, прятать истинные чувства. Он знает, как не попасть в Программу. Он уберезет нас обоих.

Он обещал.

Глава 3

– Ну, ты упаковалась, – крикнул Джеймс, подплывая ко мне. Я сидела на траве. От ослепительной солнечной ряби на воде его глаза казались ярко-голубыми. Они-то и не дали мне ответить что-нибудь самоуверенное. Глаза у него изумительные, привлекающие внимание, и мне нравится, как он на меня смотрит.

Будто прочитав мои мысли, Джеймс встал из воды и встряхнул головой.

– Пойдем плавать, – сказал он мне. Догола раздеваться он все же не стал – остался в черных трусах, обтягивающих в паху. Я ухмыльнулась, глядя, как вода сбегает по нему струйками. Джеймс пошел ко мне.

– Чувак, ты бы прикрылся, – сказал Миллер, появляясь на берегу в плавках и с двумя полотенцами через плечо. Одно он кинул в Джеймса.

Джеймс подмигнул мне, будто я упускаю отличную возможность. Наверное, он прав, но я все равно бы не пошла в реку. Я, видите ли, не умею плавать.

Джеймс вытер волосы сине-белым полосатым полотенцем.

– Извини, если тебя смущают мои физические данные, – сказал он Миллеру. – Домой заехать не успел.

– Или не захотел, потому что увел машину у предка, – добавил Миллер.

Джеймс улыбнулся.

– Ну, или так.

– Поесть кто-нибудь захватил? – спросила я, приподнимаясь на локтях, и поглядела через плечо на Миллера, щурясь от солнца. Миллер был бледен. Значит, по-прежнему думает о Лейси. Раньше она ездила с нами на реку. Она была одной из нас.

– Энергетический батончик, – Миллер покопался в кармане и бросил мне. Разглядев обертку, я застонала:

– Ненавижу арахисовое масло!

Миллер покрутил головой:

– Не было времени готовить тебе лазанью, принцесса. В следующий раз буду внимательнее.

– Рада слышать.

Джеймс расстелил полотенце на траве и улегся на живот, глядя, как я разрываю обертку батончика.

– А я люблю арахисовое масло, – беспечно сообщил он. Я засмеялась и подала ему батончик. Прежде чем откусить, Джеймс сузил глаза и выставил подбородок.

– Что? – спросила я.

– Поцелуй меня, – прошептал он.

– Нет.

В нескольких футах Миллер стелил полотенце и разминался, готовясь идти плавать.

– Да, – одними губами сказал Джеймс.

Я покачала головой, не желая смущать Миллера. Раньше такой проблемы не возникало – они с Лейси половину вылазки на реку проводили на заднем сиденье джипа, но сейчас мне кажется бестактным целоваться в его присутствии. Все равно что сыпать соль на рану.

Брови Джеймса сошлись на переносице. Улегшись щекой на сложенные руки, он помрачнел. Я погладила его кончиками пальцев, обводя имена на предплечье: Брэйди, Ханна, Эндрю, Бетани, Триш.

И это только те, кто умер. В список не вошли те, кого забрали в Программу. Например, Лейси.

– Вода холодная? – спросил Миллер, глядя на реку.

– Еще какая, – отозвался Джеймс, не отводя от меня глаз. – Но зато бодрит.

Миллер кивнул и пошел к воде. Как только он отплыл, я прижалась щекой к плечу Джеймса, совсем близко к лицу. У меня было тяжело на сердце. Былая уверенность испарилась почти бесследно.

– Скажи мне, что все будет хорошо, – серьезно попросила я.

Джеймс не колеблясь заверил:

– Все будет хорошо, Слоун. Все будет прекрасно.

Он произнес это без искренности или горячности, но ему можно верить. Джеймс ни разу меня не подводил.

Я потянулась к нему и поцеловала.

От реки донесся громкий всплеск. Мы обернулись. Я затаила дыхание – река мгновенно сгладила всякий след своим медленным течением. Джеймс рядом тоже замер, глядя на воду. И только когда Миллер с воплем разбил водную гладь, возмущаясь, что вода ледяная, мы с Джеймсом снова улеглись, с облегчением выдохнув, что он все-таки всплыл сделать вдох.

Домой я ехала с Джеймсом, прижавшись виском к окну и глядя на дорогу. Он выбрал длинную дорогу, петлявшую между ферм и холмов. Вокруг так живописно, мирно. На минуту почти можно поверить, что мы живем в красивом, безмятежном мире.

– Как считаешь, Лейси когда-нибудь к нам вернется? – спросила я.

– Да, – Джеймс включил радио и менял каналы, пока не нашел какую-то отвратительную попсу с прилипчивым мотивом. – Хочешь куда-нибудь поехать на выходные? – спросил он как ни в чем не бывало. – Может, поставим палатку на берегу?

Я покосилась на него.

– Не надо так делать, – сказала я. – Не надо менять тему.

Джеймс не повернул головы, но подбородок у него напрягся.

– Приходится.

– Я хочу поговорить об этом.

Он помолчал и заговорил снова:

– Я одолжу палатку у Миллера, у него получше. Сам он с нами ехать не хочет. Ну, оно и к лучшему – у нас будет сплошная романтика. – Он силился улыбнуться, но избегал моего взгляда.

– Мне ее не хватает, – сказала я, заплакав. Лицо больно свело.

Джеймс быстро заморгал, будто удерживая слезы.

– Я даже куплю эти отвратительные сосиски, которые ты любишь. Как они называются?

– Килбаса⁴.

– Фу. Пожарю эту килбасу на гриле, и зефир пожарим, а если будешь умницей, я захвачу шоколада и сладких крекеров.

– Не могу, – прошептала я, чувствуя себя разбитой на тысячу острых, зазубренных осколков. – Слишком больно. Не могу больше, Джеймс!

Он вздрогнул и нажал на тормоз, остановившись на обочине почти заброшенной дороги. Я уже тряслась, давась рыданиями, когда он отстегнул ремень безопасности, сгреб меня в охапку и прижал к себе, глядя по волосам.

– Поплачь, – сказал он срывающимся голосом.

И я заплакала. Уткнувшись в его футболку, я проклинала Программу и весь мир. Я кричала на Брэиди и моих друзей, называя их трусами за то, что бросили нас. Я не пони-

⁴ Так в США называют полукопченую колбасу по украинскому или польскому рецепту, вроде краковской.

маю, почему они разрушили нам жизнь, так ужасно распорядившись своей. Я кричала, пока слова не слились в неразборчивое бормотание, прерываемое вскриками. Словами не опишешь горечь утраты.

Минут через двадцать я тихо всхлипывала, обессилив и цепляясь за футболку Джеймса. Он ни разу не разжал объятий, ни разу не перебил. Когда я выплакалась, он поцеловал меня в макушку.

– Легче? – тихо спросил он.

Я кивнула и села прямо. Лицо опухло от слез. Джеймс стянул футболку, скомкал и принялся вытирать мне глаза и нос. Окинув меня взглядом, поправил волосы и подтер размазанную тушь. Привел меня в порядок, как всегда, а закончив, бросил футболку на заднее сиденье, устался на руль и глубоко вздохнул. Я тоже вздохнула.

– Все будет хорошо, Слоун.

Я кивнула.

– Скажи это.

– Все будет хорошо, – повторила я, глядя на него. Джеймс улыбнулся, взял мою руку и поцеловал.

– Мы все переживем, – заверил он, глядя на дорогу. Будто убеждал не меня, а себя.

Когда машина тронулась, я со страхом взглянула в зеркало. Глаза покраснели, но не очень заметно. Нам придется поехать еще немного, пока это не пройдет. Нельзя, чтобы родители заметили, что я плакала.

– Джеймс Мерфи, – сказала я, глядя, как солнце садится за горизонт. – Я тебя безумно люблю.

– Знаю, – серьезно ответил он. – Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Есть только ты и я, Слоун. Только мы. И так будет всегда.

Мать стояла на крыльце, когда Джеймс остановил отцовскую машину у нашего дома. Она выдохнула, прижав ладонь к груди, будто уже считала меня мертвой, потому что я вернулась на два часа позже и не позвонила. Мне не хотелось выходить из машины и вообще разговаривать с матерью.

– Слушай, – легко начал Джеймс. – Скажи ей, что я пытался учить тебя плавать. Она оценит.

– Да? Может, лучше наплести, что ты пытался меня раздеть на заднем сиденье машины?

Он пожал плечами:

– Ну, если она настолько любопытна...

Я засмеялась и быстро поцеловала его в губы. Мне никогда не научиться плавать. Не только из-за животного страха, с которым я теперь живу, но еще и потому, что в детстве плавать учился мой брат, а я ходила на балет. И чем дальше, тем сильнее боюсь заходить в воду. Жаль, что я не училась вместе с Брэйди, – быть может, смогла бы его спасти.

Я отодвинулась от Джеймса и сразу погрузилась.

– Спокойной ночи, Слоун, – прошептал он.

Я кивнула, уже скучая по нему, и выбралась из машины.

– Почему это Джеймс без рубашки? – первым делом спросила мать. Я широко улыбнулась.

– Он меня плавать учил, – отозвалась я, поднимаясь на крыльцо и глядя себе под ноги.

– А, ну, это дело, – уступила мать. – Но вообще-то, дочка, я волнуюсь. Звонили из школы, сказали, что ты отпросилась на психотерапию, но когда ты не вернулась домой вовремя...

Мне хотелось, чтобы она от меня отстала – Программа с нас и так глаз не спускает. Меня подмывало крикнуть, что я не выдержу такого давления. Однако резкость только ухудшит дело, поэтому я весело улыбалась.

– Прости, что я не позвонила, – отозвалась я. – После терапии меня встретил Джеймс, и мы решили поехать на реку. Такой прекрасный денек!

Мать посмотрела в небо, будто проверяя погоду, и снисходительно потрепала меня по плечу.

– Ты права, – согласилась она. – Тебе надо развлекаться. Это очень хорошо – быть счастливой. – Она помрачнела. – Просто когда твой брат... Что, если ты... – Голос пресекался, и она не договорила.

– Все будет хорошо, – заученно сказала я. Столько раз я говорила матери эти слова – и столько раз слышала их от Джеймса... – Все будет просто замечательно.

На этом я открыла дверь и вошла в дом.

Глава 4

– Ну что, как школа? – спросил отец, когда я пригвоздила вилкой к тарелке свиную отбивную. Я посмотрела на него, давно усвоив порядок разговоров за ужином. У родителей измученные лица. Отец и мать смотрят на меня так, будто я их последняя надежда.

– Хорошо.

Мать улыбнулась, ободряюще глядя на отца. Обычно после этого разговор сворачивает на последние новости: на северо-западе самый высокий уровень самоубийств в стране – может, виной тому дождливый климат? Волна подростковых самоубийств захлестнула другие страны, там пристально изучают полезный опыт с целью внедрения Программы. А на закуску моя любимая тема: очередной ученый или врач заявляет, что лекарство найдено – фармацевтические компании, потерявшие огромные деньги после запрета антидепрессантов, никак не успокоятся.

Но сегодня я слишком подавлена, чтобы играть роль и поддерживать разговор. Возвращение Лейси, выпотрошенной, с промытыми мозгами, заставляет ненавидеть жизнь и еще больше скучать по подруге.

До знакомства с Миллером Лейси гуляла со всякой швалью, говоря, что плохие парни – ее любимый аромат. Как правило, они были старше, Программа им не грозила. Помню одного из них, Дрейка. Ему было двадцать, и он ездил на «Камаро», а нам было по шестнадцать. Лейси однажды пришла ко мне домой в темных очках, и мы быстро поднялись в мою комнату, пока мать ее не заметила. Лейси сняла очки, показав синяк под глазом и руку в ссадинах до самого плеча, и призналась, что Дрейк вытолкнул ее из машины на полной скорости.

Вспоминая, как она плакала, боясь, что узнают родители, я гадаю, что еще утаивала Лейси, хорошо ли я ее на самом деле знала. Синяк и царапины было не скрыть, поэтому мы сделали вид, что Лейси упала с нашего крыльца. Я позвала родителей посмотреть, как она ушиблась. Состряпали алиби, так сказать. О Дрейке Лейси больше никому не рассказывала, но я сказала Джеймсу, и он здорово его отделал.

Я солгала ради Лейси и обманывала себя, когда она заболела. Может, будь я хорошей подругой, она бы не попала в Программу. Может, мы все больны?

– Слоун, ты ничего не ешь, – голос матери отвлек меня от мыслей. – У тебя все в порядке?

Вздвигнув, я подняла взгляд.

– Лейси вернулась, – сказала я дрогнувшим голосом. В папиных глазах мелькнула тревога. На секунду мне показалось, что родители все понимают и им можно сказать правду о Программе, превращающей людей в пустые оболочки.

– Что-то скоро, – без всякой радости отметила мать. – Посмотрим, посмотрим.

Сдержавшись, я устала в тарелку на заколотую у самой кости свиную отбивную, истекавшую яблочным соусом.

– Отчего же, шесть недель прошло, – пробормотала я.

– Вот и я говорю, – согласилась мать. – Мы и глазом моргнуть не успели.

Я напомнила себе, как Программа обрабатывает родителей: еженедельные группы поддержки для тех, чьи дети покончили с собой, возможность воспользоваться новейшими методами лечения. Программа научилась добираться до нас и дома. Она найдет где угодно.

– Как она выглядит? – спросила мать. – Ты видела ее в Центре здоровья?

Я глубоко вонзила ногти в обтянутое джинсами бедро.

– Да, – солгала я. – Она снова блондинка. Она... совершенно другая.

– Готова поспорить, так ей гораздо лучше, – возразила мать. – Вылеченные всегда выглядят такими здоровыми, да, Дон?

Отец промолчал. Я чувствовала на себе его взгляд. Видимо, он оценивал мою реакцию, мысленно сверяясь со списком симптомов «Нет ли депрессии у вашего ребенка», который распространяет Программа. Не зная, хватит ли у меня сил сдержаться, я подняла на него взгляд и улыбнулась.

– Она действительно прекрасно выглядит, – ответила я. – Может, скоро будет с нами гулять.

– Дайте ей толком выздороветь. – Мать широко улыбнулась, будто чем-то гордясь. – Вот есть же добрый человек, придумал Программу. Сколько жизней она спасла!

У меня свело под ложечкой, и я поспешно встала, не желая плакать, раз уже столько выдержала.

– Сегодня посуду мою я, – сказала я, хватая тарелку. – И у меня большое домашнее задание.

Я выбежала в кухню, когда от слез уже щипало глаза. Нужно что-то сделать, прежде чем я разрыдаюсь перед родителями. Возле телефона в гостиной у нас лежит памятка Программы, которую выдали каждой семье, когда наша школа начала участвовать в эксперименте. Для меня эта памятка – как угроза, напоминающая, что будет, если я сорвусь. Поэтому я никогда не срываюсь.

На кухне я огляделась, задержав взгляд на газовой плите. Подойдя, я включила конфорку: сразу ожили оранжевые и голубые язычки пламени. Я умру, если не дам волю слезам. Нестерпимая печаль прорвется из груди наружу и убьет меня.

Повернув руку нежной стороной вниз, я поднесла ее к огню. Боль от ожога оказалась пронзительной – я закричала и отшатнулась, машинально прикрыв обожженное место ладонью. Тело среагировало, будто я вся оказалась в огне.

Я решила, что мне это нравится. Мне приятна боль, способная отвлечь.

Слезы покатались по щекам – эмоциональная разрядка стала облегчением, – и я упала на кафельный пол. Вбежали родители. Я сразу выставила руку с красным ожогом, уже налившимся пузырями.

– Я обожглась, – всхлипывала я. – Забирала сковородку и нечаянно прикоснулась к плите, а конфорка, видимо, горела...

Мать ахнула и поспешно повернула краник на плите.

– Дональд, – сказала она. – Я же велела тебе поставить кастрюли в раковину!

Он извинился и опустился рядом со мной на колени:

– Дай я посмотрю, детка.

Родители хлопотали вокруг меня, не мешая мне плакать от случайного болезненного ожога. Они не догадывались, что я плакала о Лейси, о Брэйди, а больше всего о себе.

– Не надо было начинать в машине, – вздохнул Джеймс. В его голосе я уловила нотки беспокойства. Я лежала, уютно свернувшись в кровати. Руку перевязали, от тайленола клонило в сон. – Проблема в том, что, начав, можно не справиться с собой. Нельзя было позволять тебе плакать.

– Мне требовалось выплакаться, – возразила я. – Не всем разрешают делать памятные тату.

– Да, мне разрешают. Сильно обожглась?

– До пузырей.

– Черт, – в трубке послышался шорох. Я представила, как Джеймс с силой растирает лицо. – Сейчас приеду.

– Не надо, – сказала я. – Уже поздно, мне скоро по-любому спать ложиться. Завтра будешь со мной нежнее.

– Завтра я тебе ноги вырву.

Я улыбнулась:

– Правда? Так-таки и вырвешь?

– Ложись, действительно, спать, Слоун, – сказал Джеймс, не поддерживая шутку. – Я заеду за тобой пораньше. И пожалуйста, не делай больше глупостей.

Пообещав ничего не делать, я положила трубку. Уже не имея сил плакать, укрылась одеялом с головой. Засыпая, я думала о брате. Ощущение громадной вины тяготит до сих пор. Иногда бывает так больно, что я притворяюсь, будто у меня никогда не было брата, в надежде, что станет легче. Но тут же в памяти всплывают его шутки, улыбка, его жизнь, и мне ясно, что потеряли мои родители и почему они надо мной трясутся. Иногда спрашиваю себя, как я бы поступала на их месте, и не знаю ответа.

Ощувив легкое прикосновение к щеке, я сразу открыла глаза. Джеймс стоял у кровати с обеспокоенным видом.

– Так мы в школу опоздаем, – заметил он. – Твоя мама в конце концов отправила меня тебя будить.

Я растерянно взглянула на будильник: уже девятый час. Приподнявшись на локтях, я огляделась, ничего не понимая. Джеймс присел на край кровати.

– Дай посмотреть, что с рукой, – сказал он и, не дожидаясь согласия, оттянул повязку. Я вздрогнула. – Я крайне недоволен, – сообщил Джеймс, осматривая ожог. – Мне твоя кожа больше нравится без шрамов.

Он поглядел мне в глаза, нагнулся и поцеловал над ожогом, где кожа совсем нежная, после чего улегся ко мне под одеяло, хотя родители могли войти в любую секунду.

– Я понимаю, это нелегко, – прошептал он мне в ухо. Мне стало щекотно. – Но надо держаться. – Взяв мою вьющуюся прядь, он принялся наматывать ее на палец и снова разматывать. – Каждое утро я думаю, что сегодня все и случится – я заболею, за мной придут хендлеры и потащат в Программу. И мне не хочется вставать с кровати. Но я встаю, потому что не могу оставить тебя одну.

При мысли, что нас могут разлучить, я взяла Джеймса за руку, переплетя пальцы.

– Чтобы не забрали, приходится притворяться, – сказал он с горечью. – Без тебя мне не справиться. Брэиди просил нас заботиться друг о друге, я не хочу подвести его еще раз.

– Я устала притворяться.

– Я тоже, – вздохнул он. – Я тоже.

Он поднял наши сплетенные руки и поцеловал мне запястье, после чего принялся целовать мне шею.

– Давай прогуляем, – пробормотал он между поцелуями. – Скажем, что у тебя встреча с психотерапевтом, и поедем на реку. Будем загорать до вечера.

Я улыбнулась:

– Разве вчера мы не этим занимались?

– С удовольствием отдохну еще денек.

Джеймс обнял меня за бедро и притянул к себе, целуя уже ключицы.

– Хватит, – сказала я, хотя мне вовсе не хотелось его останавливать: я была не прочь ответить на его пыл. Но прежде чем мы зашли слишком далеко, Джеймс со вздохом отодвинулся.

– Ты права, не годится пользоваться твоим состоянием. – Он сел и откинул одеяло, открыв мою пижаму. – Надень, что ли, юбку. При виде твоих ног у меня всегда поднимается

настроение. – Сверкнув мне широкой улыбкой, он встал. У двери Джеймс на секунду замялся – выдержка ему едва не изменила, но, не оглядываясь, кивнул и спустился вниз.

Глава 5

На парковке перед школой я уже открыла дверь, когда Джеймс схватил меня за руку.

– Слушай, – серьезно начал он. – Мне надо тебе кое-что сказать.

Сердце у меня пропустило удар.

– Что?

– Я у тебя дома не стал говорить... Ночью Миллер влез в комнату Лейси. Он думает, что сегодня за ним придут. Остальное он тебе сам расскажет. С ним все нормально – живой.

Я согнулась, вцепившись в приборную доску, пытаюсь отдышаться.

– С ним точно все в порядке? – спросила я, искоса глядя на Джеймса. Он кивнул, но лицо у него было таким, что легче мне не стало.

– А ты как считаешь, за ним придут?

– Надеюсь, что нет.

Я прикрыла глаза и бессильно откинула голову.

– Зачем он это сделал? – простонала я. – Почему нельзя было просто подождать?

– Не знаю, – отозвался Джеймс. – Но сегодня надо уйти пораньше, после обеда. В школе лучше не высовываться.

– А сам сплел историю про школьный проект в Самптере!

– Это другое дело, я хотел помочь Миллеру.

– Это было глупо. Мог и получше придумать. Если его заберут, то по нашей вине.

– Знаю! – взорвался Джеймс. – Или ты думаешь, я не понимаю?

Мы смотрели друг на друга. На его лице проступило бешенство. Джеймс назначил себя ответственным за смерть Брэйди, за нашу с Миллером безопасность – иначе он не может, так уж он устроен, и порой у меня хватает глупости верить, что ему действительно по силам нас защитить.

– Я знаю все, что ты думаешь, – пробормотала я, борясь с отчаянием.

Лицо Джеймса смягчилось.

– Иди сюда, – сказал он. Сперва я не двинулась – от угрозы, нависшей над Миллером, салон «Хонды» и весь мир сделались удушающе крохотными. – Слоун, ты мне нужна, – напряженным голосом добавил Джеймс.

Услышав мольбу, я отбросила все сомнения и прильнула к нему, крепко стиснув. Он вздрогнул, но тут же сжал меня в объятиях. Как только мне исполнится восемнадцать, мы уедем из города и начнем жизнь заново. Надо ждать. Сейчас еще рано. «Эмбер алерт»⁵ отыщет нас в два счета. Нам не спрятаться. Никому еще не удавалось.

Мы посидели, обнявшись, и рука Джеймса скользнула под самый край подола моей юбки. Его дыхание стало глубже, напряженнее.

– Мои губы устали от разговоров, – прошептал он мне на ухо. – Поцелуй меня так, чтобы я обо всем забыл.

Я немного отстранилась и увидела в глазах Джеймса печаль, смешанную с желанием. Я прошептала, что люблю его, а потом перебралась к нему на колени и поцеловала так, будто это последний поцелуй в нашей жизни.

На уроке экономики я смотрела на Миллера, сидевшего с опущенной головой и что-то рисовавшего в тетради под партой. Я наблюдала за ним, соображая, есть ли какие-то симптомы, за которые могут забрать. Внешне Миллер был в полном порядке.

⁵ «Эмбер алерт» – экстренная система поиска пропавших детей в США и Канаде.

– Ну? – прошептала я, когда учитель обходил ряды, собирая наши тесты. – Что там было у Лейси?

Карандаш Миллера замер.

– Я влез в окно, когда заснули родители. Попытался объяснить, что не причину вреда, но она начала плакать. – Он покачал головой. – Она решила, что я пришел ее убить. Кто знает, что в Программе обо мне наговорили.

Я прижала ладонь ко лбу. Да, это называется влипнуть по-крупному. Этого достаточно, чтобы Миллера забрали.

– Она позвала родителей?

– Нет, – сказал Миллер. – Велела мне убираться. Даже когда рассказал, кто я, она меня выгнала. – Его голос звучал чересчур ровно. – Видимо, я все-таки надеялся, что в ней до сих пор что-то теплится. – Он поднял на меня неподвижные глаза: – Как считаешь, может она меня еще любить?

– Да, – ответила я. – Но тебя же могли арестовать и отправить неизвестно куда. И что тогда? Как я без тебя?

– Я должен был попытаться. Ты бы Джеймса не оставила?

Я помолчала.

– Да, я бы его не оставила.

Миллер кивнул, явно жалея, что привел такое сравнение, и снова принялся что-то чертить в тетради.

– Ты и дальше попыток не оставишь? – спросила я.

– А смысл? Она совершенно изменилась. Я даже не уверен, что она снова меня любит.

Я сдерживаю слезы.

– Мне очень жаль.

– Да, – сказал он. – Но надо жить дальше, как говорит мать.

Мамаша Миллера недолго любила Лейси и надеялась, что сыночек рано или поздно выберет себе кого-нибудь более жизнерадостного. Но в нашей жизни мало чему можно радоваться. Те, кто радуется, обычно уже побывали в Программе.

– Миллер, не...

– Слоун Барстоу! – громко сказал мистер Рокко и гневно посмотрел на меня в наступившей тишине. Миллер, не поднимая головы, продолжал водить петли в тетради под партой. Слава богу, он вроде спокоен. Если мы стиснем зубы и перетерпим этот раз, то выживем. А через несколько месяцев, когда Лейси уже будет ходить без хендлера, убедим ее гулять с нами, как прежде.

– Мы с Джеймсом решили сбежать после обеда, – прошептала я, когда учитель отвернулся. – Ты с нами?

– Черт, еще бы! Или ты думаешь, я сюда учиться хожу?

Я улыбнулась – на секунду Миллер снова стал самим собой. Прежде чем написать Джеймсу эсэмэс о том, что все в силе, я рассмотрела наконец, что Миллер чертит большую черную спираль на всю страницу. Я отвернулась к доске, притворившись, что ничего не видела. В кармане завибрировал мобильный.

Я украдкой вынула его и прочитала сообщение: «Держи Миллера поближе, сегодня на территории полно хендлеров».

– Миллер, – прошептала я. – Джеймс пишет, что на территории школы хендлеров больше обычного. Как думаешь, это за тобой?

Миллер облизал нижнюю губу, будто раздумывая, и кивнул:

– Не исключено. Давайте тогда смоемся до ленча. Ко мне домой поедем.

Я написала Джеймсу, радуясь возможности уйти. Меньше всего мне снова хотелось видеть, как уводят моего лучшего друга.

Я сидела рядом с Миллером на его диване, обитом тканью в цветочек, а Джеймс копался в холодильнике на кухне. Миллер грыз ноготь большого пальца, затем перешел к указательному. Я обратила внимание, что ногти обкусаны почти до мяса, а под краями запеклась кровь, и шлепнула его по руке. Миллер послушно опустил руку на колени.

– Я видел ее сегодня по дороге в школу, – сказал Миллер, глядя в большое окно.

– Лейси?

– Ну. Ехал в Самптер и видел ее на парковке. Она болтала с Эваном Фрименом и... смеялась. – Он снова принялся грызть ноготь. Я не стала его останавливать – положила голову на плечо и устремила взгляд в окно.

Несколько месяцев после выписки вылеченным рекомендуется воздерживаться от любовных связей, но разрешено заводить друзей, особенно среди успешно прошедших Программу. Видимо, хендлеры считают – если подростки дочиста выскоблены изнутри, они не смогут плохо повлиять друг на друга. До Миллера Лейси недели две встречалась с Эваном Фрименом, но бросила его, заявив, что он чересчур активно совал язык ей в глотку.

От новости, что Лейси разговаривала с Фрименом и смеялась, не сознавая, что они уже знакомы, меня замутило. Это стало таким неприятным открытием, что я еле сдержалась.

– Как думаешь, что с ней там делали? – пробормотала я, не уверенная, хочу ли услышать ответ.

– Разобрали на части, – отозвался Миллер, выплюнув кусочек ногтя. – Открыли голову, все вынули и сложили счастливый пазл. Она уже как бы не настоящая.

– Этого мы не знаем, – сказала я. – Может, в души она прежняя, просто не помнит.

– А если она никогда не вспомнит? – повернулся ко мне Миллер. По его щеке катилась слеза. – Ты правда думаешь, что прошлое можно вернуть? Она же пустая, Слоун. Ходячий мертвец...

Мне не хотелось в это верить. Я уже два года вижу вылеченных, и хотя ни разу не говорила с ними больше, чем в очереди в молле, убеждена, что они по-прежнему люди. Просто чересчур лощеные какие-то, будто все у них прекрасно. Им промыли мозги, но они не зомби. Этого не может быть.

– Лучше бы она умерла, – прошептал Миллер. Я выпрямилась и гневно посмотрела на него.

– Не смей так говорить, – велела я. – Она не умерла. Через некоторое время попробуем еще раз. Может, умом она тебя и не узнает, но сердцем – обязательно.

Он покачал головой, не глядя мне в глаза.

– Нет, я умываю руки. Я ее отпускаю, как психолог и советовал.

Когда Лейси забрали в Программу, нас – меня, Джемса и Миллера, помимо обычной анкеты с самооценкой, приговорили к двум неделям ежедневной интенсивной терапии. У нас выспрашивали всякие мелочи якобы для лечения Лейси, но мне все время казалось, что речь идет о том, не инфицированы ли и мы тоже. К счастью, мы оказались здоровыми.

Мне хотелось попросить Миллера не торопиться, выждать и снова попробовать ее завоевать, но в каком-то смысле он прав. Судя по тому, как Лейси выглядит и держится, она уже другой человек и прежней не станет.

Я помню историю их знакомства. Я привела Миллера за наш стол в надежде познакомиться с Лейси, которая стояла в очереди – дело происходило в столовой – и спорила с работницей кафетерия. Лейси в своем нелепом платье с черно-белыми полосами походила на Битлджуса, но на лице Миллера проступило щенячье умиление. Он с ходу сказал нам с Джеймсом, что именно такую девушку он и ищет, – чтобы мать бесилась от одного ее вида.

Я пихнула Миллера в плечо, а Джеймс лишь рассмеялся.

– Смотри не пожалей, – с усмешкой сказал он Миллеру. – Эта «черная вдова» таких, как ты, на завтрак ест.

Но Миллер лишь ухмыльнулся, будто эта мысль его позабавила. Покорить сердце Лейси оказалось нелегко, но когда они наконец стали парой, то узнали счастье. Они были так счастливы...

– Мне очень жаль, – тихо произнесла я. Миллер кивнул и вдруг повернулся меня обнять. Я ласково положила ему ладонь на шею, а Миллер стиснул меня так сильно, что затрещали кости. Я не приговаривала, что все будет хорошо, потому что не надеялась на благополучный исход.

В гостиную вошел Джеймс, жуя яблоко, поглядел на нас, наклонив голову, будто оценивая ситуацию, откусил от яблока, подошел и обнял нас обоих.

– Можно и мне немножко ласки? – попросил он дурацким тоном, какой появлялся, когда Джеймс старался не дать нам захандрить. Чтобы прогнать тоскливую атмосферу, он звонко поцеловал Миллера в щеку. Засмеявшись, я отпихнула Джеймса. Миллер молча встал. У Джеймса вытянулось лицо. Он возмущенно поглядел на меня в том смысле, что я не должна была позволять Миллеру распускаться. Я не чувствовала за собой вины и лишь пожала плечами.

Оглядевшись и соображая, что предпринять, Джеймс подошел к каминной полке и взял недавно появившуюся фотографию.

– Приятель, – сказал он Миллеру, – твоя маман здесь просто убойная красотка!

– Иди к черту, – отозвался Миллер, стоя в дверном проеме и снова принимаясь грызть ноготь. Этот обмен репликами повторялся всякий раз, как Джеймс видел мать Миллера, которая действительно была очень красива. Она растила Миллера одна. Блондинка, предпочитающая мини-юбки, она питала слабость к моему нахальному бойфренду, повторяя, что Джеймс еще «разобьет множество сердец». Ну уж нет. Приложу все усилия, чтобы это счастье обошло его стороной.

– Я что говорю, – продолжал Джеймс, подходя к дивану и плюхаясь рядом. – Не будь у меня вот этой, – он показал на меня большим пальцем, – быть бы мне твоим отчимом.

Я со смехом шлепнула его по бедру:

– Эй!

Подмигнув мне, Джеймс повернулся к Миллеру:

– И учил бы тебя, растяпу, играть в мяч на заднем дворе. Годится?

– Я не против, – серьезно ответил Миллер. – Я тогда заберу себе Слоун. Мне все равно теперь нужна новая подруга.

Джеймс осекся. Миллер ввел в шутливую перепалку новый поворот, только прозвучало это безрадостно. Он тяжелым взглядом посмотрел на меня, на Джеймса и отвернулся.

– Пойду сделаю бутерброд, – сказал он, идя на кухню.

Джеймс с приоткрытым ртом смотрел ему вслед. Щеки у него слегка порозовели.

– По-моему, он серьезно, – сказал он с недоумением. – С чего ему такое говорить? – Он посмотрел на меня, наморщив лоб. – Ты ему нравишься?

Я покачала головой.

– Нет, – честно ответила я. Нас насторожила полная нелогичность заявления Миллера. Это совершенно не в его характере. Вот и один из признаков, которые нас учили подмечать. – Как думаешь, надо с ним об этом поговорить?

Джеймс потер ладонью губы, размышляя.

– Нет, – сказал он наконец. – Не будем окончательно добивать парня.

Мы долго молчали. Было слышно, как открылась и закрылась дверца холодильника. Джеймс посмотрел на меня.

– Я не разрешаю тебе встречаться с Миллером.

– Заткнись.

– Уговор: ты не гуляешь с ним, а я – с его мамашей.

– Джеймс! – Я замахнулась, но он поймал мою руку и перетянул меня к себе на колени, не давая встать. Джеймс умеет все поправить, и я невольно засмеялась, стараясь вырваться из его хватки. Миллер вошел с бутербродом в руках и остановился в дверях, по-прежнему бесстрастный.

Я перестала вырываться, но Джеймс не отпустил и кивнул Миллеру.

– Значит, так: Слоун моя, ясно? – Он не искал ссоры, а будто спрашивал из любопытства. – Я ее люблю и не отпущу даже ради тебя, понимаешь?

Интересно, когда он успел забыть свое предложение не расстраивать Миллера окончательно?

Миллер откусил от сэндвича с индейкой.

– Все может быть, – невозмутимо произнес он. – Сам знаешь, все меняется, хотим мы того или нет.

И вышел в коридор. Мы слышали, как он медленно поднимается в свою комнату.

Джеймс отпустил меня, но я осталась сидеть, пораженная до глубины души. Миллер в меня не влюблен, это я точно знаю, он просто притворяется. Играет роль. Мы и раньше видели, как кто-то нарочно бесит своего дружка или подругу или борется с депрессией, поставив себе задачу переспать со всеми подряд. Мой брат тоже притворялся, а мы делали вид, что не замечаем... Я повернулась к Джеймсу. Лицо напряглось от волнения.

– Слушай, может, мне...

– Нет, – сказал Джеймс. – Я сам пойду. – Он поцеловал меня в макушку и пошел вверх в комнату Миллера. Основам дружеского вмешательства нас учат с седьмого класса. – Это может затянуться, – предупредил он.

Я кивнула, и Джеймс пошел пробовать вернуть к нам Миллера.

В тесной, оформленной петушками кухне Миллера я приготовила куриный бульон с лапшой, съела его с крекерами и вымыла кастрюлю. Устав ждать, я решила посидеть на лестнице, прислонившись затылком к стене и прислушиваясь к звукам наверху.

Спустя сорок пять минут Джеймс вышел на лестницу и улыбнулся, давая понять, что все улажено. Мимо него прошел Миллер, и я спустилась в холл. Поравнявшись со мной, Миллер замедлил шаг.

– Джеймс говорит, ты никогда мной не увлечешься, потому что он лучше целуется, – начал Миллер. – Я сказал ему, что это еще надо проверить, и тогда он саданул мне под дых так, что чуть не вырвало.

Я встревоженно поглядела на Джеймса, но он только пожал плечами.

– Ничего, – Миллер коснулся моей руки, – я заслужил. Извини, я вел себя как засрапец. – Его губы изогнулись в улыбке. – Не обижайся, Слоун, но меня вовсе не так уж к тебе тянет.

Я округлила глаза и спросила Джеймса, медленно сходящего по ступеням:

– Ты что, правда его ударил?

– Это моя метода дружеского вмешательства. Сама же видишь – подействовало.

Джеймс уверен, что если нас долго развлекать, мы забудем, как все чудовишно и запутанно. Пока ему это удается, но будет ли так всегда? Сможет ли он рассмешить нас сквозь слезы? Я смотрела на Джеймса, зная, как сильно завишу от него, ведь только он умеет сделать так, чтобы все казалось нормальным. При виде моего серьезного лица его улыбка погасла, и вместо того, чтобы отшутиться, он вдруг уставился в пол.

– Хотите, кино посмотрим? – спросил Миллер, немного оживившись впервые за целый день. – Матери до четырех не будет.

– Твоя мама... – начал Джеймс.

– Заткнись, – одновременно сказали мы с Миллером. Джеймс засмеялся и наконец поднял глаза с самым очаровательным видом. Все было хорошо. Все нормально.

И мы пошли в гостиную проводить время, как и в другие дни. Правда, я то и дело поглядывала в окно, ожидая увидеть людей в белых халатах.

Глава 6

Два дня Миллер был как Миллер... или почти. На уроках он если не рисовал в тетради, то смотрел в окно. Видимо, Лейси его не выдала, потому что за ним не пришли. По территории шлялся только один хендлер – тот, неприятный, который сверлил меня взглядом. Я не говорила о нем Джеймсу или Миллеру, не желая, чтобы они затеяли драку и заработали неприятности; я просто не смотрела на него, стараясь не слишком психовать.

– Миллер, – начал Джеймс, когда мы вместе гуляли в пятницу. – Ты точно не хочешь поехать с нами и пожить в палатке? Там так классно, тихо...

– Не, друг, – отозвался Миллер, вынимая из рюкзака бейсболку и поправляя козырек. – Дома отдохну, у меня видеоигры новые. Может, схожу в Центр здоровья.

– Обязательно сходи, – сказала я. – Чего одному-то...

Посмотрев на меня, Миллер нацепил бейсболку на макушку и улыбку на лицо.

– Всего-то сутки, Слоун. Все будет о'кей. Да знаю я, что такое ездить с вами на реку, – он сделал неопределенный жест. – Без обид, но мне сейчас тяжело смотреть на ваши нежности.

Джеймс засмеялся и обнял меня сзади за талию, уткнувшись подбородком в волосы.

– Неправда, – возразил он. – Мы всегда дожидаемся, когда ты заснешь.

Засмеявшись, я его оттолкнула. Миллер так и не согласился поехать с нами, обещая составить компанию в следующие выходные. Мне не хотелось его оставлять, но я больше не могла находиться в городе. Меня тянуло в лес, где нет никакой Программы, поэтому мы попрощались с Миллером, сели в машину отца Джеймса и поехали к берегу.

В детстве мы ездили туда вдвоем с Брэйди. Брат у меня был опытным туристом, поэтому родители стали нас отпускать, когда мне было двенадцать, а ему тринадцать. Правда, несколько раз приезжали и проверяли, как мы там. Когда мне исполнилось пятнадцать, нас наконец стали отпускать одних, если с нами ехал Джеймс.

В первую ночь я сидела у костра и смотрела, как Джеймс ставит палатку, а Брэйди в стороне рубит дрова. Джеймсу тогда только исполнилось шестнадцать. Тыльной стороной ладони он откидывал со лба отросшие светлые волосы. Совсем мальчишка, без рубашки, вспотевший, высокий, начинавший обрастать мускулами. И в какой-то момент он случайно взглянул на меня и поразился, что я сижу и смотрю на него.

Он широко улыбнулся:

– Мерки снимаешь, Слоун?

Должно быть, я сильно покраснела, потому что Джеймс сразу же извинился. Но я все равно поднялась и пошла глазеть на океан. Джеймс был прав, я его разглядывала. До этого мне и в голову не приходило, что Джеймс мне больше чем друг и приятель брата. У меня тогда даже был бойфренд, Лиэм. Правда, особой симпатии не было – так, отношения из разряда «мы ходим на одни и те же уроки, поэтому давай встречаться», но если бы я сразу отшила Лиэма, Лейси бы меня не поняла. На протяжении двух месяцев нашего «романа» я даже не позволила взять себя за руку – тут любой покрутит пальцем у виска, но при этом я пялилась на Джеймса Мерфи.

Я села на песчаном откосе, поставив локти на колени. У Джеймса отбоя не было от девчонок, правда, ничего серьезного из этого не выходило. При мысли о том, что Джеймс встречается с другими, у меня сжалось под ложечкой. Я громко застонала, не понимая, как можно быть такой душой.

– Господи, Слоун, – услышала я. – Я же пошутил.

Я выпрямилась, не решаясь оглянуться. Но я знала Джеймса и не сомневалась, что он не отвяжется, пока не выспросит, в чем дело. Разумеется, он уже стоял рядом.

– Ты в порядке? – спросил он. По голосу нельзя было понять, смущен он или, напротив, уверен, что я его разглядывала.

Я кивнула. Джеймс засмеялся, бросил колышек от палатки на песок и уселся рядом, задев меня при этом. Он был тяжелее, и я упала на бок, едва успев выставить руки. Другого я бы пихнула в ответ, но Джеймса мне трогать не хотелось. Мне надо было разобраться, как изгнать эту слабость. Мы дружили втроем, были компанией, и мне не хотелось все испортить.

– Черт, – сказал он с ноткой удовольствия. – Ты и вправду меня разглядывала.

– Ничего подобного, – возмутилась я, обернувшись, но Джеймс прочитал правду на моем лице. Непринужденная улыбка растаяла на его губах.

– Слоун, ты что, не надо, – заныл он. – И не начинай. Так не может... Мы не можем... – Он замолчал. В голубых глазах сквозила жалость ко мне. Поэтому я сделала единственное, что мне оставалось: врезала ему в грудь, так что он задохнулся, встала и ушла.

Сейчас, два года спустя, мы снова приехали на то место, и я опять смотрю, как Джеймс ставит палатку, вот только брат мой уже лежит в земле. Джеймс коротко подстрижен, но машинально старается откинуть волосы со лба. В какой-то момент он смотрит на меня, но не улыбается, как тогда. В его глазах усталость, потому что приходится ставить палатку одному. Он сжимает губы, на лице появляется выражение «Мне его тоже не хватает», и я отвожу взгляд.

Команда распалась, но виной тому не я, а Брэйди.

Потрескивают дрова в костре, жар волнами накатывает на мои ноги в тяжелых ботинках. Солнце село несколько часов назад. За целый день ни я, ни Джеймс почти ничего не сказали. Как хорошо, что нам не обязательно что-нибудь говорить.

Джеймс похлопал меня по ноге прутом. Я отобрала прут, глядя перед собой.

– Зефир? – предложил он, держа лакомство двумя пальцами.

Янтарное солнце подсвечивало его черты, выделяя волевой подбородок и делая волосы золотыми. Я улыбнулась.

– Ты красивый, – заметила я.

– Голый я тоже красивый, – добавил он. – Этого ты не сказала.

– Забыла.

– Забыла? – разыграв обиду, он откусил от зефира, бросив остаток в костер. Затем сразу же упал со стула, пополз к моему и стащил меня в грязь.

– Джеймс, – начала я, смеясь. Но его губы, сладкие и липкие, закрыли мне рот. Он уложил меня на спину и коленом раздвинул мне ноги, целуя в шею. – Джеймс, – пробормотала я, на этот раз с желанием в голосе.

Мне очень нравятся такие моменты, потому что пока мы катаемся по земле и пламя обдаёт нас жаром, пока Джеймс стягивает с меня одежду, я не думаю ни о чем ином. Можно упиваться ощущениями. Можно представить, что на свете только мы и больше никого.

Потом Джеймс, тяжело дыша, лежал рядом, гордый собой, а я смотрела на звездное небо. Я лежала долго – Джеймс уже натянул футболку и подобрал упаковку, чтобы выбросить. Вернувшись, он присел рядом и положил мою голову к себе на колени. Мы вместе смотрели на звезды.

– Брэйди тоже там сияет, – сказал он. – Далеко, там, где ему не больно. – Голос Джеймса изменился, он замолчал и шмыгнул носом – по щекам катились слезы. Его замечательная выдержка исчезала в такие моменты. Сейчас его чувства были обнажены, и он не мог их скрыть.

– Он тебя очень любил, – я прильнула к Джеймсу. – Что бы он ни сделал, ты был его лучшим другом.

Джеймс посмотрел на меня, вытирая щеки.

– Нет, ты.

Он смотрел на меня, и я видела перед собой обычного человека, такого же ранимого, как и я.

– Я была ему только сестрой. А ты был ближе брата, неразлейвода.

– Значит, фиговая из меня половинка, раз Брэиди мертв, а я здесь.

Я села и повернула к себе лицо Джеймса.

– Ты здесь ради меня. Мне без тебя не выжить – ни тогда, ни теперь. Не забывай, нам нельзя друг без друга.

Он тяжело вздохнул и встряхнул головой, будто прогоняя мрачные мысли. Услышав, что он мне нужен, что я не могу без него жить, он забудет о депрессии. Всегда так было.

И когда он стал больше походить на себя, я снова поцеловала его, взяла за руку и повела в палатку спать.

– Ей-богу, нам нужно чаще выезжать на природу, – сообщил Джеймс, когда мы ехали по шоссе. Я улыбнулась, поглядывая на него.

– Да, было весело.

– Надеюсь, твоя память полностью восстановилась, – улыбнулся он.

– Цела, невредима и заполнена исключительно ракурсами твоего обнаженного торса.

– Только торса? – приподнял он бровь.

– Боже, да замолчи уже!

– Не стесняйся, я образцовый экземпляр. – Джеймс улыбался во весь рот, когда в кармане моих джинсов завибрировал телефон. Я достала его и взглянула на номер.

– Миллер, – сказала я и нажала «ответить». – Привет.

– Слоун... – Миллер будто осип от слез. Мне стало худо, я ухватилась за Джеймса.

– Что случилось? Что происходит? – с бьющимся сердцем спросила я.

– За мной пришли, – всхлипнул он. – Меня забирают в Программу.

Только не это!

– Миллер, ты где? – Я посмотрела на Джеймса. Он вертел головой от меня к дороге и обратно. Стрелка на спидометре миновала цифру «восемьдесят».

– Дома, – отчаянно зарыдал тот. – Но уже слишком поздно. Я не мог не увидеть ее снова.

– Включи громкую связь, – попросил Джеймс. Костяшки пальцев побелели на руле. Я нажала кнопку, и рыдания Миллера заполнили машину. Я тоже едва не заплакала, но справилась с собой.

В жизни я редко вижу слезы других – сейчас уже редко. Джеймс порой плачет, но нечасто. Плачут только те, кто не выдерживает. Я ни разу не видела, чтобы Брэиди плакал, а я была с ним, когда он умер.

– Миллер, – начал Джеймс. – Не делай глупостей, мы уже едем.

– Не могу больше, – бормотал Миллер. – Не могу. Я шел за Лейси до Центра здоровья, попытался ее поцеловать, напомнить, но она дала мне пощечину и заявила на меня. Я не успел убежать. Мать сегодня проболталась, что за мной приедут из Программы. Но я не стану их ждать. Я не позволю меня забрать.

– Миллер! – закричал Джеймс так громко, что я вздрогнула. – Что ты надумал?

Слезы потекли по его щекам, и он нажал на педаль акселератора. Мы летели больше ста миль в час.

– «Быстрая смерть», – выговорил Миллер. – Жаль, что Лейси мне не сказала. Могли бы еще тогда уйти вместе. Ее бы не выпотрошили, мы были бы вместе...

– Вы не сможете быть вместе, если ты сдохнешь, – крикнул Джеймс, ударив кулаком по рулю. Я плакала, ожидая, что Джеймс сейчас все поправит и остановит. – Миллер, – продолжал он. – Не делай этого, парень. Пожалуйста!

Миллер всхлипнул.

– Слишком поздно, – произнес он как бы издалека. – Я ее выпил десять минут назад, просто не мог уйти, не попрощавшись. – Он помолчал. – Я вас обоих очень люблю. – И в телефоне стало тихо.

Я задохнулась. Эмоции было не сдержать. Джеймс ударил по тормозам, свернув на полосу безопасности, схватил телефон, упавший на сиденье, и набрал 911.

Прикрыв лицо и сотрясаясь от рыданий, он закричал в трубку:

– Мой друг принял «Быструю смерть»...

На этом я, кажется, потеряла сознание, потому что больше ничего не слышала.

Глава 7

У самого дома Миллера мы разминулись с отъезжавшей «Скорой». Суеты и сирен не было, и мы поняли – слишком поздно. Мы долго сидели, глядя на белый дом с черными ставнями. Джеймс не держал меня за руку, а я не тянулась к нему. Мы просто сидели молча.

Солнце село, в гостиной включился свет. Через большое окно цельного стекла мы увидели мать Миллера, съжившуюся на диване. Другая женщина говорила с ней, расхаживая по комнате. Мы с Джеймсом уже бывали в домах, которые посетила смерть. Это тяжело. Особенно когда мы и так скомпрометированы по уши.

– Через три месяца Миллеру исполнилось бы восемнадцать, – хрипло сказал Джеймс, не заботясь о том, чтобы прочистить горло. – Он бы уже не боялся Программы и не сделал этого.

Мы часто задавались вопросом, стали бы мы совершать самоубийства в отсутствие Программы. Может, это она нас провоцирует?

– Наверное, теперь это уже не имеет значения, – сказала я, с дрожью глядя на дом Миллера. Моего Миллера, моего приятеля. Мы познакомились, когда он играл с бунзеновской горелкой и нечаянно поджег мою домашнюю работу. Вместо того чтобы закричать и уронить горелку, он схватил мою колу и залил пламя. После чего оглянулся и спросил разрешения купить мне другую банку.

Он ездил с нами на реку, прогуливал школу, он нас любил. Он был такой хороший парень и классный друг, что я просто не могла... не могла...

– Слоун, – сказал Джеймс, дернув меня за руку. Я раскачивалась, ударяясь лбом в стекло, не в силах справиться с воспоминаниями, сожалением, болью. Я была бы рада перестать стонать – не отдавая себе отчета в том, что говорю, но не могла справиться с собой. Я ни с чем не могла справиться.

И тогда Джеймс дал мне пощечину. С размаху. Я задохнулась и разом очнулась от истерики. Щеку жгло. Обычно Джеймс говорил со мной, прижимая к себе. Сейчас его глаза опухли и покраснели от слез, щеки были мокрыми и в пятнах. Я никогда не видела его таким и ошеломленно коснулась горячей щеки.

От судорожных вздохов Джеймс дергался всем телом. Я перестала плакать, только голова болела там, где я билась лбом о стекло. Джеймс молчал, не отрывая взгляда от крыльца, где зажегся свет. Вдруг он длинно всхлипнул. Я потянулась к нему, но Джеймс отпрянул к дверце.

Он медленно нашарил ручку и открыл дверь, выпав спиной на дорогу.

– Что с тобой? – выговорила я. Джеймс кое-как поднялся, с ужасом глядя на дом, повернулся и побежал, звонко стуча подошвами по тротуару. Я распахнула дверцу и закричала ему вслед: – Джеймс!

Однако он свернул за угол и пропал из виду.

Сперва я не могла двинуться с места, очень хорошо сознавая все, что происходит вокруг. Оранжевая дымка в закатном небе. Деревья, покачивающиеся от ветра. Я даже подумала зайти в дом к Миллеру и попроситься в последний раз полежать на его кровати, на минуту став к нему ближе... Нет, за это точно заберут в Программу.

Миллер. Я уже никогда не пойду с ним на реку. Мы никогда не пойдем в столовую на ленч. Ему никогда не исполнится восемнадцать. О господи... Миллер.

Я заморгала, но слез не было. Глаза пересохли и чесались. Я коснулась щеки, которую все еще жгло. Странно, что Джеймс ничего не сказал – например, что у меня истерика. Он не обнял меня и не предложил выплакаться, не сказал, что все наладится.

Он ничего не сказал.

Вдруг сердце взорвалось волнением. Я закричала и не умолкала все время, пока обегала машину и села за руль. Машина резко рванула с места. Надо найти Джеймса. Я схватила телефон с центральной консоли и набрала номер, едва попадая по кнопкам дрожащими пальцами.

Долго шли гудки, потом включился автоответчик: «Это Джеймс. Поговори со мной, детка». Я сбросила звонок и набрала снова, сворачивая на ту улицу, по которой убежал Джеймс. Улица пуста. Начали зажигаться уличные фонари. Где же он? С ним обязательно должно быть все в порядке. Он должен мне сказать, что с ним все в порядке.

Я нажимала на педаль акселератора, бешено вертя головой. Джеймс живет всего в нескольких кварталах, может, он дома? Я его найду, обниму и не отпущу.

Задев колесом бордюр – машину тряхнуло, – я затормозила у его дома и бросилась к крыльцу, даже не захлопнув дверцу. Ворвавшись в дом, я закричала, зовя Джеймса, но никто не ответил. Его отца дома нет. Я соображала, какой сегодня день и не на свидании ли он.

– Джеймс! – кричала я. – Джеймс!

Тишина. Я побежала по лестнице, подвернув ногу и сильно ударившись голенью о ступеньку. Чертыхнувшись, кое-как полезла вверх. Я должна его найти.

Ворвавшись в его комнату, я замерла на месте.

Мой Джеймс сидел на полу у окна без рубашки, в одних джинсах. Он поднял на меня красные, опухшие глаза. Рот был вялый, безвольно приоткрытый. Его трудно было узнать. Я судорожно втянула воздух, когда он опустил карманный нож. Кровь обильно текла по руке, пропитывая джинсы на коленях.

– Нужно было добавить его имя, – через силу выговорил он. – Некогда было возиться с тушью.

Я опустилась на колени и поползла к нему, шокированная, перепуганная, безутешная. Имя Миллера было неровно вырезано на предплечье. Кровь была повсюду.

Джеймс выпустил нож, который со стуком упал на ковер, и заморгал, будто только что меня заметив.

– Слоун, – сказал он мягко. – Что ты здесь делаешь, малышка?

Я обняла его, прижав его голову к своей груди. По моей руке струйками текла теплая кровь. Джеймс сидел безучастно, словно в глубокой апатии... или как мертвец. Нет, сегодня я не буду больше плакать.

Грозящая всем зараза проникла и в Джеймса.

– Все будет хорошо, – ровно произнесла я, отводя со лба его светлые, слипшиеся от пота волосы. В моем голосе слышалась ложь. – Все будет хорошо, Джеймс.

К счастью, порезы были неглубокие. Я помогла промыть руку и скрыть повязку под рубашкой с длинным рукавом. В лекарствах его отца я нашла какое-то успокоительное, а комнату привела в относительный порядок. Долго пыталась оттереть ковер, но в конце концов просто передвинула кресло, закрыв пятно. Нож я выбросила в мусорное ведро. Надо бы спрятать все ножи в доме, но тогда его отец заподозрит неладное.

Джеймс смотрел в потолок, дрожа даже под одеялом. Я легла рядом. Взглянув на часы, я увидела, что скоро вернется его отец. Я крепко обнимала Джеймса, пока не подействовали таблетки, а когда он заснул, тихо поднялась с кровати. Хоть бы его отец еще не слышал о Миллере. Надеюсь, он вернется со свидания и сразу пойдет спать, а утром уйдет на работу до того, как Джеймс проснется.

Тогда зайду я и помогу Джеймсу собраться в школу. Ему нужно время, нужна я, чтобы не сорваться, но потом с ним все будет хорошо. Через пять месяцев ему исполнится восемнадцать, его уже не заберут в Программу.

Я буду беречь его, как он берег меня после смерти Брэйди, потому что в тот день на реке, когда мой брат покончил с собой, я едва не отправилась следом.

Глава 8

Разницы у нас с братом было всего одиннадцать месяцев, однако мы никогда не ссорились. Брэйди был моим лучшим другом (лучшей подругой была Лейси). Мой брат дружил с Джеймсом, но от меня никогда не отгораживался.

Несколько недель до его самоубийства мы с Джеймсом тайно встречались. Оставаясь у нас ночевать, он приходил в мою комнату в три утра и тихо целовал, пока все спали, а когда меня не было дома, оставлял записки под подушкой. Мы совсем потеряли голову, влюбившись друг в друга до безумия.

Мы не говорили Брэйди – не потому, что оберегали тайну, просто не желали осложнений. Узнав о нас с Джеймсом, родители перекрыли бы беспрепятственное общение, и тогда прощай ночевки Джеймса у нас и вылазки на природу.

Брэйди, напротив, как раз расставался с Даной. Она жаловалась Джеймсу, что Брэйди ведет себя странно холодно. Джеймс пожал плечами, но все же пробовал поговорить с моим братом. Однако Брэйди попросил не раздувать из мухи слона – дескать, у Даны просто плохо пахнет изо рта.

Брат считал своей миссией научить меня плавать и всегда приезжал на давно облюбованный пятачок у реки. Течение там не сильное – практически купальня, разве что глубокая. Но в тот день он неожиданно повез меня и Джеймса на новое место.

– Там очень красиво, – объяснял он, сидя за рулем. – Можно сказать, идеально.

Джеймс фыркнул на заднем сиденье.

– Ну, это если только мне удастся увидеть твою сестру в бикини.

Брэйди улыбнулся, взглянув в зеркало темными глазами, но не сказал Джеймсу придержать язык. Он не торопясь вел машину, будто в его распоряжении было все время на свете. Я посмотрела на Джеймса, но он только пожал плечами. Помню, я подумала, может, признаться брату в наших отношениях? Мне казалось, он обо всем догадался, но Джеймс считал, что Брэйди просто нервничает перед выпускными.

Нам так и не представилось возможности ему сказать.

Я уже была в купальнике, когда Брэйди подошел на край обрыва и долго глядел на пенящуюся, бурлящую воду. На его губах играла легкая улыбка.

– Здесь же нельзя плавать! – закричал ему Джеймс, разлегшись на полотенце в траве, далеко от берега. – Надо было ехать на обычное место.

Брэйди оглянулся. Солнце бликами играло на черных волосах, бледная кожа казалась желтоватой и блестящей.

– Я не хотел навсегда его испортить, – отозвался он.

Джеймс приподнял брови:

– Что испортить?

– Старое место. Сможете и дальше туда ездить. Глядишь, так ты и научишь Слоун плавать. – Он встретился со мной взглядом и улыбнулся: – Тебя-то она послушает.

Я осеклась:

– Что это ты...

Ледяная болезненная дрожь пробежала по телу. У меня словно пелена с глаз упала. Одновременно я увидела, что Джеймс сорвался с полотенца.

Брат стоял на краю двадцатифутового обрыва. Я в первый раз заметила темные круги под глазами и остекленевший взгляд. Я ни о чем не догадывалась, не замечала явных признаков.

– Берегите друг друга, – шепотом сказал мне Брэйди, будто великую тайну. В следующую секунду он широко раскинул руки и упал со скалы спиной вперед.

Мой крик разорвал воздух. Я оглянулась – Джеймс был еще далеко. Плавать я не умела, но разбежалась и прыгнула с обрыва за братом. Как только я шлепнулась в воду, в нос попала вода, и я подавилась, бешено махая руками. «Брэйди!» – пыталась я кричать, но вода заливала рот.

За спиной послышался новый громкий всплеск. По-моему, Джеймс даже не заметил меня, минуя облако брызг. Он плавал не хуже Брэйди. Я ухватилась за бревно и смотрела.

Течение было стремительным – ноги сносило далеко в сторону. Брэйди неподвижно лежал на воде вниз лицом. Я снова закричала, указывая на него. Вода подхватила тело и ударила о камни раз, другой. Руки Джеймса так и мелькали, но Брэйди отнесло уже далеко.

Я содрогалась от плача, корчась на том бревне. Тело Брэйди ударилось о новую скалу и задержалось; Джеймс успел доплыть. Течением его бросило на камень, он вскрикнул, но все же вытащил Брэйди на берег и начал делать искусственное дыхание.

Он бешено молотил его по груди и старался вдохнуть воздух в легкие. Но я видела, что у Брэйди сломана шея – голова неестественно свесилась в сторону, глаза смотрели в никуда.

Мой брат, мой лучший друг, был мертв.

Помню спасительное онемение чувств. Джеймс плакал и звал на помощь. Поднявшись на ноги, он прикрыл глаза ладонью, ища меня. И тогда я отпустила бревно и позволила увлечь себя ледяной воде.

Я хотела утонуть – это оказалось вовсе не так уж сложно. Сильное течение не давало всплыть, и я надеялась потерять сознание, чтобы не видеть все время последний взгляд моего мертвого брата. Знала, что не выдержу дальнейшее, – не смогу взглянуть в глаза родителям, не смогу жить без Брэйди.

Но Джеймс подхватил меня согнутой рукой под шею, вытащил на берег и уложил на спину. Я кашляла, меня даже рвало. Уши залило водой, но я видела над собой Джеймса, бывшего меня по щекам, чтобы я не отключалась. Когда я наконец открыла глаза, он побежал к полотенцу, где остался телефон.

Джеймс спас меня, но Брэйди спасти не смог. Его бы никто не спас. Нам оставалось выполнить последнюю волю брата – беречь друг друга. Иногда чувство вины нестерпимо давило на нас, выживших, но мы хранили это в тайне. Ведь у нас остались только мы.

В понедельник утром я приехала пораньше. Я держала рубашку, а Джеймс медленно продевал забинтованную руку в рукав. Обычно в наших отношениях константой был он, но теперь в нем что-то сломалось, поддавалось болезни. И, как в тот день на реке, мне хотелось опустить руки и отдаться потоку.

– Я принесла «Поп-тартс», – сказала я, расчесывая ему волосы на пробор. Джеймс смотрел в окно.

– Когда похороны? – едва слышно спросил он.

Горло перехватило. Уходя в субботу, я затолкала эмоции поглубже, действуя как автомат, делая все необходимое, чтобы мы остались живы – и вместе. Дома родители сказали, что звонила мать Миллера.

– Похорон устраивать не будут, – ответила я. – В Программе сочли, что это может спровоцировать всплеск самоубийств, поэтому проводить Миллера позволили только матери.

Мне вдруг отчетливо вспомнилось улыбающееся лицо Миллера, но я справилась с собой. Сейчас не время предаваться скорби.

Джеймс сжал губы. Его глаза повлажнели.

– Это моя вина, – сказал он. – Я опоздал, как с Брэйди. Нельзя было оставлять его одного.

Я обняла Джеймса.

– Миллер был нездоров. Мы ничего не могли сделать.

Он повернулся ко мне, не размыкая моих объятий.

– А Брэйдди? Я был там и не смог его спасти.

Сердце у меня заныло, но я не могла позволить себе думать о Брэйдди – предстояло ехать в школу.

– Я тоже не смогла. Этого уже не изменишь. Соберись, пожалуйста. Так надо.

Джеймс коснулся моей щеки. Я потерлась лицом о его ладонь.

– Не могу, – пробормотал он.

Я посмотрела в голубые глаза, в которых плескался страх, и прижалась лбом к его лбу.

– На этот раз тебя спасу я, – прошептала я. – Спасу нас обоих.

Джеймс обнял меня, зарывшись лицом в шею. Я гладила его по спине, стараясь успокоить. Я никогда не была сильной – ведь столько всего в мире мне неподвластно, но сейчас я должна быть сильной. Больше нам надеяться не на кого.

Глава 9

«За вчерашний день у вас возникало чувство одиночества или уныния?»

Нет.

«Изменилось ли качество сна?»

Нет. После смерти Миллера я еще не спала.

«Были ли в вашей семье или среди знакомых случаи самоубийства?»

Вписав «нет», я долго смотрела на затемненный овал, желая, чтобы это было правдой. Чтобы я могла хоть когда-нибудь вписать чертово «нет». Часто заморгав, я тщательно стерла ответ и с холодом в душе написала «да».

После часа интенсивной психотерапии, призванной помочь нам справиться с «потерей», я нашла Джеймса у моего шкафчика и проводила на урок, надеясь, что он сойдет за нормального хотя бы пятьдесят минут. Придя на экономику, первым, кого я увидела, был тот самый хендлер, который в последнее время за мной следил.

При виде пустой парты, где раньше сидел Миллер, в груди возникло ощущение бездонной пустоты. Но в углу, не сводя с меня глаз и улыбаясь уголками губ, стоял хендлер.

Сердце у меня забилось. Я села, не глядя на него. Неужели меня сейчас заберут? Господи, не позволяй им меня забрать.

Со звонком в класс вошел мистер Рокко, неловко поглядев на парту Миллера и на хендлера. Урок начался. Я сжимала руки под партой, чтобы сохранить самообладание. Это попытка – стараться воспринимать материал, сидеть как ни в чем не бывало. Я мечтала, чтобы телефон завибрировал; это значило бы, что с Джеймсом все хорошо. Но сотовый молчал.

Над верхней губой выступили капельки пота. Я едва могла усидеть на месте – надо было узнать, как там Джеймс. Когда наконец раздался звонок, я вскочила, проворно записала учебник в рюкзак и быстро направилась к двери. И тут кто-то схватил меня повыше локтя.

Резко обернувшись, я оказалась лицом к лицу с хендлером и судорожно втянула воздух. Ноги подкашивались. Меня забирают. Нет. Нет. Нет! Неужели это происходит со мной.

Помощник отпустил мою руку и сочувственно улыбнулся.

– Слоун Барстоу. – Хриплый голос как наждаком прошелся по издерганным нервам. – Сочувствую вашей потере. У меня к вам несколько вопросов, если позволите.

Глаза у него большие, темные, кожа оливково-смуглая. Ему лет двадцать или даже меньше, но я не видела в нем искреннего сочувствия. Зато видела нечто другое, отчего жаль было все внутри. Ему хотелось меня увести.

– Я сегодня уже была на терапии, – сказала я, отступая на шаг.

Он засмеялся.

– Речь не о терапии. Следуйте за мной.

Он прошел вперед, и меня снова поразил медицинский запах, исходящий от хендлеров. Неужели у него с собой какие-то лекарства, которыми он может меня усыпить? Иногда это делают, когда уводят кого-то в Программу. Или он применит тайзер, который у него за поясом?

Я почувствовала, как в кармане завибрировал мобильный, но не решилась ответить. Джеймсу нельзя волноваться. Но что, если пришли и за ним? Сейчас он беседы по душам не выдержит.

После самоубийства ученика нас всякий раз отправляют к консультантам проверить, в порядке ли мы, а тех, кто не справляется с потерей, водят еще и на беседу. Но это редко поручают хендлерам. Мне было неудобно – этот тип следит за мной с того дня, как забрали Кендру, но выхода не было, и я пошла за ним в учительскую.

Там нам выделили маленькую, тускло освещенную комнату, где стояли два стула лицом друг к другу. Мне было очень неприятно оставаться наедине с этим человеком, но директор и учителя не вмешиваются в действия представителей Программы. Когда я вошла, они старательно смотрели в другую сторону.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал хендлер, закрывая дверь и опуская жалюзи. Я очень боялась, но знала, что это нельзя показывать. Глубоко вздохнув, я опустилась на стул.

– В этом разговоре нет необходимости, – заверила я, стараясь говорить как нормальная, психически уравновешенная девушка. – Я едва знала Миллера.

Хендлер улынулся и сел напротив. Его колени, обтянутые белыми брюками, почти касались моих. Я едва не отодвинулась.

– Неужели? – переспросил он. – А Лейси Клэमत или, скажем, вашего брата – их вы хорошо знали?

Видимо, я побледнела, когда он упомянул Брэйдли, потому что он наклонил голову, как бы извиняясь.

– Мисс Барстоу, нам стало известно, что вы находитесь в группе высокого риска. Вы только что пережили огромную утрату, и я намерен оценить ваше состояние.

Он лжет. Он хочет меня забрать. Им на нас наплевать, это только кажется, что их деятельность что-то меняет. Пальцы ног непроизвольно поджались в туфлях, когда помощник цепким взглядом прошелся по мне. Кожа покрылась мурашками.

– Начнем с Миллера. Вы были за городом, когда он совершил самоубийство путем отравления?

Было нестерпимо слышать, как об этом говорят медицинскими терминами.

– Да.

– А Лейси была вашей лучшей подругой, но вы не догадывались о ее состоянии, пока ее не отправили в Программу? Вы не пытались скрыть это от нас?

– Нет, я понятия не имела.

Я начинала понимать, куда он клонит.

– А сейчас вы что-нибудь скрываете?

– Нет. – Не изменившись в лице, я смотрела в глаза этому типу, представив, что я робот, лишенный эмоций. А заодно и жизни.

– У вас есть бойфренд, Слоун? – Хендлер улыбнулся краем рта, будто пытаюсь флиртовать.

– Да.

– Джеймс Мерфи?

О боже.

– Угу.

– Как он перенес случившееся?

– Нормально. Джеймс сильный.

– А вы тоже сильная? – спросил он, наклонив голову набок.

– Да.

Хендлер кивнул.

– Это наша единственная надежда сохранить вас в добром здравии, Слоун. Вы же это знаете?

Я не ответила, соображая, что отвечал бы на эти вопросы Джеймс. Они же с первого взгляда поймут, что он болен.

– В Программе открыт прием для тех, кто приходит сам. Вдруг вы почувствуете, что не можете справиться с собой, или вам будет нужно с кем-то поговорить...

Он потрепал меня по бедру, и я подскочила. Фамильярность застала меня врасплох.

Помощник встал и обошел меня, будто хотел выйти из кабинета, но остановился за моей спиной и положил руку на плечо, крепко сжав пальцы.

– Всего хорошего, Слоун. Что-то мне подсказывает, что скоро мы с вами увидимся. На этом он вышел, оставив меня одну в затемненной комнате.

Я почти побежала на ленч, смертельно боясь, что Джеймса не окажется в столовой, и еле удержалась на ногах от облегчения, увидев его за столом с картонным стаканом апельсинового сока.

– Слава богу, с тобой все в порядке. – Я буквально упала ему на колени и крепко обняла. Джеймс не обнял меня в ответ, но и не оттолкнул. Я зарылась лицом ему в шею.

– Да, – тихо ответил он. – Я в порядке.

Я отстранилась и пристально поглядела на него, стараясь определить, насколько сильной оказалась психотравма. Джеймс был бледен, рот у него был вялый, с опущенными уголками, будто он забыл, как улыбаться. Я провела пальцами по его щеке, и он прикрыл глаза.

– Я так волновалась, – прошептала я.

Он не шевельнулся, и я обняла его снова, крепко-крепко, как он раньше обнимал меня. Джеймс сидел неподвижно. Я разжала руки, и он снова начал есть маленькими кусочками, рассеянно обводя взглядом столовую.

– С тобой беседовали? – спросил я.

Он отрицательно покачал головой.

– А меня забрали прямо после урока, – сообщила я.

Джеймс посмотрел на меня.

– Зачем?

– Спрашивали о Миллере и о тебе.

Джеймс не отреагировал, уткнувшись в тарелку. Мне его страшно не хватало, хотя он и сидел передо мной. Он уже не был собой прежним.

– Со мной никто не говорил, – сказал он. – Я вообще сегодня хендлеров не видел.

Тут бы нехорошим предчувствиям меня и отпустить, но они только усилились. Зачем же беседовали со мной? Либо действительно оценивали мое состояние, либо собирали доказательства на Джеймса.

– Я хочу выбраться за город, – сказала я. – Ты как, сможешь? Я хочу снова пожить в палатке.

Джеймс медленно жевал.

– Попробую.

Пустота в его голосе ранила больше всего. Я боялась, что не выдержу долго.

– Неужели ты не хочешь со мной поехать? – тихо спросила я.

Он кивнул:

– Конечно, хочу, малышка.

Я выдохнула и опустила голову на плечо Джеймса. Под столом его рука нашла мою, и мне стало легче от этого слабого пробуждения жизни. Мое внимание привлекло движение в углу: там стоял темноволосый хендлер, наблюдая за мной со своей улыбочкой.

Глава 10

Остаток недели прошел примерно так же: я вела себя как абсолютно здоровая, особенно когда этот тип за нами наблюдал. Хендлер присутствовал в классе на уроках, таскался в столовую и следил, следил с постоянной усмешкой на лице. Будто ждал, когда я сорвусь.

Джеймса на беседу не вызывали, и я не знала, как это понимать. Неужели хендлеру показалось, что у меня депрессия выражена сильнее? Или они уже решили забрать Джеймса?

В пятницу я буквально вытащила Джеймса из школы. Целый день можно не притворяться – огромное облегчение. Как ни странно, мне не хотелось плакать. Я почти убедила себя, что Миллер не был нашим лучшим другом. Только так я могла справиться со случившимся.

В машину я все уложила заранее, чтобы сразу после уроков ехать за город. Джеймс молча сидел на пассажирском сиденье, глядя в окно. Родители недоверчиво отнеслись к нашей затее поехать за город так скоро после смерти Миллера. Может, даже что-то заподозрили. Они выпрашивали, почему Джеймс перестал у нас бывать. Я ответила – засел за уроки. Видимо, это и вызвало у них подозрения. В доме Джеймса я просто поселилась, игриво шепча ему на ушко, когда дома был его отец. Но я шептала ему держаться. Укладывая его спать вечером, говорила, что люблю и не позволю случиться плохому. Джеймс не отвечал. Я боялась никогда больше не услышать этих слов от него.

Джеймс сидел, уставившись на кострище, пока я ставила палатку, ворча и воюя с колышками. Я то и дело поглядывала на него, но он ни разу не поднял взгляда. Установив палатку и совершенно вымотавшись, я вытащила из машины свой спальный мешок, бросив Джеймсу второй.

– Спальный мешок сам носи, – пошутила я. – А то свалил на меня все дела.

Он не ответил, но поднялся и прошел мимо меня к палатке. Мы разложили мешки, и все это время Джеймс отсутствующим взглядом смотрел куда-то в пространство.

– Эй, – сказала я, откидывая ему волосы со лба. – Ты разве не хочешь полежать немного?

Он поднял на меня взгляд, но лишь на мгновение. Кивнув, он опустил на свой мешок на колени, а потом растянулся на спине. Прикусив губу, я улеглась рядом, прижавшись к Джеймсу так, как он любил: забросив ногу ему на бедро и уткнувшись лицом в шею.

Положив руку ему на грудь, я слушала дыхание. Джеймс лежал неподвижно.

– Я скучаю по тебе, – прошептала я. – Мне одиноко без тебя, Джеймс. Я стараюсь быть сильной, но не знаю, сколько еще продержусь. Ты должен ко мне вернуться. Я не смогу одна. – Мои глаза стали влажными. Джеймс не шевелился. Господи, я всего лишь хочу, чтобы он стал прежним. Хочу слышать его смех, саркастические замечания, сделанные с притворным самонимением. – Я люблю тебя, – прошептала я, и в палатке стало тихо.

Я теряю его, как остальных. Я шмыгнула носом, удерживая наворачившиеся слезы, и заговорила, как с прежним Джеймсом:

– Я тебя не отпущу, ясно? Я не сдамся. Даже не думай обзавестись другой подружкой, – улыбнулась я, притворяясь, что он рассмеялся. – Да, сейчас все плохо, но постепенно ведь наладится. Ты не Брэйди, ты не бросишь меня на берегу мучиться вопросом – почему? Ты сильнее этого. Я знаю, что сильнее.

Моя ладонь скользнула под рубашку и остановилась над сердцем. Кожа была теплой, знакомой. Сердце билось медленно и ровно.

– Пожалуй, надо тебя взбодрить, – весело сказала я. – С помощью физических упражнений. – Я приподнялась на локте, заглянув в прекрасное лицо Джеймса. Он по-прежнему смотрел в некую точку за пределами палатки. – Эй, – прошептала я.

Джеймс повел глазами. Его взгляд показался мне рассеянным, подавленным.

У нас много общих воспоминаний, но отчего-то я знала, что разговор о его играх в маленькой лиге или о том разе, когда он глубоко порезал ногу об острый камень, не вырвет его из апатии. Я провела ладонью по его груди и животу, остановившись у пояса джинсов. Когда я сунула руку за пояс, веки Джеймса затрепетали, и он коротко вздохнул – правда, совсем слабо.

Думать требовалось быстро, учитывая, что я не взяла презервативов и сомневалась, что Джеймс озаботился их захватить. Но другой возможности не представится. Не в этом мире. Я хотела Джеймса. Хотела, чтобы он забыл свою скорбь.

– Я люблю тебя, – сказала я. Глаза Джеймса остались закрытыми. Я прильнула к нему и нежно поцеловала в губы, почти оборвав поцелуй, когда он не ответил. Я начала целовать его шею, грудь, расстегнула пуговицу и целовала его живот, опускаясь все ниже. И только ощутив его руку в моих волосах и услышав, как он беззвучно шепчет мое имя, я поняла, что вернула его, пусть и ненадолго.

– Хочешь, я костер разведу? – спросила я. Мы лежали, тесно прижавшись. Джеймс потерся щекой о мою спину.

– Нет, – тихо ответил он, не отпуская меня. – Я хочу лежать с тобой.

Я улыбнулась и поняла, что это первая настоящая улыбка после смерти Миллера. От этой мысли мне стало не по себе.

– Миллер хотел бы, чтобы с тобой все было в порядке, – прошептала я.

Джеймс разжал руки.

– Я болен, Слоун, – сказал он. Я повернулась к нему. Голубые глаза налиты кровью, на подбородке колючая щетина.

– Не говори так, – попросила я.

– Я собираюсь покончить с собой.

В груди у меня что-то сжалось. Я схватила Джеймса и с силой прижала к себе.

– Не смей! – крикнула я. – Клянусь богом, Джеймс! – Меня так трясло, что слова выходили сбивчивые и невнятные. – Не оставляй меня, – всхлипнула я. – Не оставляй меня одну, пожалуйста!

Постепенно Джеймс снова обнял меня и прижал к груди, глядя по волосам.

– Слоун, – сказал он, – я не хочу в Программу, не могу забыть тебя и Брэйди.

Я отстранилась и поглядела на него:

– А если умрешь, типа, будешь помнить? Ты обещал мне, Джеймс! Обещал раз и навсегда!

Слезы катились у меня по щекам. Я ждала, когда он вытрет мне лицо и скажет, что все будет хорошо.

Его руки напряглись, будто Джеймс цеплялся за меня, но он молчал.

– Ну, продержись еще немного, – шептала я. – Скажи, что продержишься!

Я ощутила на коже тепло его дыхания:

– Постараюсь.

Мы лежали в палатке до темноты, выходя только поесть энергетических батончиков и выпить воды, а потом – чтобы воспользоваться туалетом. Я не спала всю ночь, боясь того, что принесет завтрашний день, и гадая, станет ли мой любимый когда-нибудь прежним.

На восходе я с надеждой посмотрела на Джеймса. Он лежал на спине, глядя в никуда; мне стало ясно, он пропал. И я тоже.

Глава 11

После смерти Миллера прошло две недели и два дня, а Джеймс по-прежнему был сам не свой. Я бодрилась из последних сил, притворяясь, что все в порядке. Я делала за Джеймса домашние задания, вырывала из тетрадей страницы с черными спиралями и вписывала математические логарифмы. Я водила Джеймса на его уроки, проверяла, не пытается ли он купить пузырек «Быстрой смерти», и тщательно следила, не заметил ли кто перемену.

Заметили, конечно. Другие ученики отводили глаза, когда мы шли мимо, не желая прослыть нашими друзьями и потенциально подвести себя под изоляцию. Я знала, что время истекает, и лезла из кожи вон. Поэтому стала громче смеяться, страстно целовать Джеймса в коридоре, хотя он и не отвечал. Я начала забывать, каким он был раньше. Начала забывать нас прежних.

Почти через месяц после смерти Миллера наше расписание изменилось до конца четверти, и Джеймс каким-то чудом – или оттого, что учеников, взглянем правде в лицо, становилось все меньше и меньше, – оказался в моей группе на математике. После Миллера покончили с собой еще двое. Хендлеров стало больше, а тот, кто следил за мной, просто прописался в нашей школе.

На уроке он зашел в класс с напарником и остановился, разглядывая нас. Рядом со мной неподвижно сидел Джеймс, глядя в стол. Он не достал тетрадь.

– Джеймс, – прошептала я, надеясь не привлечь к нам внимания. – Пожалуйста.

Он не реагировал.

Послышались шаги. Я поняла, что это значит, по приглушенным ахам в классе. Глаза щипало от слез, но я не плакала, лишь смотрела на моего бойфренда. Я знала, что сейчас будет.

– Я люблю тебя, – тихонько сказала я Джеймсу. – Ты вернешься ко мне.

Мои слова прозвучали не громче дыхания. Краем глаза я увидела, как люди в белых халатах окружили его и подняли со стула.

Меня чуть не вырвало, но я схватилась за парту и удержала слезы. Вокруг все сидели, опустив головы, не желая выдавать своих чувств. Мой Джеймс. Мой Джеймс.

Хендлеры повели его к дверям, но вдруг Джеймс обернулся, уставившись на меня расширенными голубыми глазами. Он начал вырываться, отбиваясь от хендлеров. Я изменилась в лице, готовая разрыдаться.

– Слоун! – закричал он, падая на колени. Его снова схватили. – Подождите! – яростно сказал он, но они не слушали. Его тащили спиной вперед, и темноволосый хендлер многозначительно посмотрел на меня, намекая не отвечать.

Я силилась улыбнуться и сделать хоть что-нибудь, чтобы Джеймс знал – он все вынесет, а когда вернется, я буду его ждать. Поцеловав кончики пальцев, я помахала ему рукой. Он замер, и хендлеры беспрепятственно подхватили его и поставили на ноги.

Джеймс закрыл глаза и уже не сопротивлялся, когда его вывели в коридор.

Кое-кто из одноклассников смотрел на меня. Учитель не сводил с меня взгляда. Все ждали моей реакции. Стану ли я следующей? Не вбегут ли сейчас обратно хендлеры? Но я ничего не сделала. Внутри я умирала, разрывалась на части и истекала кровью. Я зашла так далеко, что уже не надеялась вернуться, но все равно открыла тетрадь и занесла над ней карандаш, показывая, что готова записывать.

Я ждала, размеренно дыша. Помолчав, учитель снова начал объяснять математическую концепцию. Я слышала, как скрипнули стулья, когда все повернулись к доске и стали слушать.

Я не вытерла лицо, когда одна слеза, которую мне не удалось сдержать, с тихим щелчком упала на тетрадный лист. Я закрыла глаза.

Джеймсу совершенно не давалась математика. Брэйди его учил, но без успеха. Мой бойфренд был безнадежен.

Помню, однажды, пока они делали домашнее задание, Брэйди позвал меня в кухню. Они с Джеймсом сидели за столом, разложив перед собой книги. Прошел уже месяц после вылазки на природу, когда Джеймс заметил, что я на него засматриваюсь. С тех пор я его старательно избегала, притворяясь, что ничего не изменилось, хоть и ловила на себе странные взгляды. Джеймс словно решал, стоит со мной заговорить или нет, и всякий раз заговаривал. Я не отвечала. Я и так уже достаточно сглупила.

– Слоун, – позвал Брэйди. – Проверь.

Я вошла в кухню, покосившись на Джеймса, который пил свою газировку и меня в упор не видел.

– Что? – спросила я у брата, заметно нервничая.

Брэйди показал пальцем на задачу – математическая формула с примером.

– Какой ответ? – спросил брат, с улыбкой глядя на Джеймса, который по-прежнему старательно меня не замечал.

Я с трудом сглотнула и прищурилась, решая уравнение в уме.

– Икс равен восьми, – сказала я. – А что?

Брэйди засмеялся. Джеймс с улыбкой покачал головой, достал из кармана пятидолларовую купюру и шлепнул ее на открытую тетрадь моего брата.

Брэйди торжествующе взял деньги.

– Я говорил, что она умнее тебя!

– А я и не спорил, – отозвался Джеймс, бросив на меня взгляд. – Я знаю, что твоя сестра умнее. Она и красивее меня, хотя тут можно поспорить. Я просто хотел, чтобы ты ее сюда позвал, а она меня снова разглядывала. Каприз обошелся мне в пять баксов.

И не дав мне сообразить, что к чему, Джеймс уже листал учебник, чуть улыбаясь. Брэйди подал мне пять долларов.

– Заслужила, – сказал он. – За то, что терпишь его трепотню.

Брэйди говорил со смехом, будто Джеймс меня просто дразнил. Лицо у меня горело от смущения и унижения.

Я скомкала купюру и швырнула Джеймсу, попав в щеку. Он удивленно посмотрел на меня. Брэйди хохотнул.

– Мне не нужны твои деньги, – огрызнулась я, развернулась и пошла наверх, к себе в комнату.

– Тогда чего тебе нужно, Слоун? – со скрытым вызовом спросил Джеймс. Я на секунду остановилась на ступеньках, но не обернулась и ушла к себе в комнату.

Сейчас Джеймс не придет меня искать, чтобы извиниться, как в тот раз. Джеймс теперь в Программе. Джеймса, которого я знала, больше нет.

– Слоун, милая? – послышался голос матери за дверью моей комнаты. Неподвижно лежа на кровати, я ответила через силу:

– Да?

– Пора ужинать. Сойдешь к столу? Я тебя уже три раза звала.

Звала? Надо же.

– Да, конечно.

Я медленно встала и оглядела себя в поисках следов крови или слез на одежде, способных выдать мою боль. Но на розовой футболке и джинсах ничего такого не было. До тошноты обыкновенная одежда. Я пошла вниз.

Родители сидели за столом с приятными улыбками, словно приклеенными к губам. Я попыталась улыбнуться, но у меня не получилось. Папин лоб пошел морщинами.

– Сегодня твои любимые спагетти с тефтельками, – сказала мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.